

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВѢСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера“.

1914 г. № 20-й. 15 Декабря.

Лопари и наше законодательство.

Съ давнихъ поръ замѣчается сильная вражда и недоразумѣніи между прежними обитателями Мурмана—лопарями—и пришлымъ элементомъ—колонистами, на почвѣ захвата рыбныхъ угодій. Вопросъ этотъ давно уже обращалъ на себя вниманіе, но такъ и оставался до сихъ поръ совершенно открытымъ, хотя подобныя неурядицы на Мурманѣ все возрастали и возрастали, а положеніе лопарей становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ.

Причины такого явленія нужно искать, съ одной стороны, въ плохой постановкѣ дѣла по колонизаціи Мурмана и въ полной ей неурегулированности, съ другой же стороны, что въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, является самымъ главнымъ и заслуживающимъ серьезнаго вниманія, это—несоответствіе нашего законодательства условіямъ жизни и быта Сѣвера или, короче говоря, почва для спора изъ-за права владѣнія угодьями дало само законодательство несоответствіемъ своимъ нормъ мѣстнымъ условіямъ.

Разрѣшеніе этого вопроса, какъ выразился бывшій архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, „является важнымъ не только въ интересахъ лопарей и колонистовъ, но и для правильнаго экономическаго развитія края“.

Какъ извѣстно, главнымъ занятіемъ лопарей, обусловливающимъ ихъ экономическое благосостояніе, служитъ рыболовство и прежде всего промыселъ семги. „Рыбная ловля, какъ главное занятіе лопарей, говоритъ Харузинъ, оказываетъ огромное вліяніе на ихъ жизнь. Если до сихъ поръ лопари не стали осѣдлыми и продолжаютъ непрерывно свой полукочевой бытъ, то это объясняется главнымъ образомъ ихъ занятіемъ рыбными промыслами, которые не позволяютъ имъ долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Дѣйствительно, производя главнымъ образомъ рыбную ловлю весной, лѣтомъ и осенью, имъ приходится въ погонѣ за добычей переходить огромныя пространства своей земли для того, чтобы, пробывъ на мѣстѣ 2—3 мѣсяца, снова идти на другое мѣсто, гдѣ въ данное время года рыбный промыселъ можетъ быть выгоднѣе“. Законодательство же наше совершенно обходитъ молчаніемъ эту сторону жизни вообще сѣверингъ, для которыхъ рыбные промыслы являются главнымъ источникомъ существованія. Оно не вы-

дѣляетъ Архангельской губерніи изъ числа другихъ земледѣльческихъ губерній, укладъ жизни жителей которыхъ уже совершенно иной, нежели въ северяи, и такимъ образомъ поимаетъ подь „угодьями“ не рыбныя угодья, а земельныя.

Какъ извѣстно, законъ говоритъ: „Въ губерніяхъ Великороссійскихъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ; Архангельской, Астраханской и т. д. сельскія общества бывшихъ государственныхъ крестьянъ сохраняютъ все предоставленныя имъ въ надѣль и состоявшія до 24 ноября 1866 года въ ихъ пользованіи земли и угодья“. Вотъ такое то разногласіе практической жизни Сѣвера и закона какъ нельзя лучше и характеризуется положеніемъ на Мурманѣ лопарей, о которыхъ, какъ земледѣльцахъ, разумѣется, и рѣши быть никакой не можетъ.

Николай П. А. Варнаховскій въ „отчетѣ рыбныхъ промысловъ Архангельской губ. въ 1899 г.“ писалъ: „едва ли можно не признать, что въ нашемъ законѣ нѣтъ достаточныхъ указаній о владѣніи крестьянами Архангельской губерніи водами и рыбными ловлями, замѣняющими по существу земельныя угодья другихъ мѣстностей, что если и упоминается о рыбныхъ ловляхъ, то лишь, какъ о статьѣ второстепенной важности (наравнѣ съ каменоломнями); между тѣмъ въ Архангельской губерніи надѣловъ до сихъ поръ не произведено, рыболовство составляетъ главное, а не побочное занятіе и производится за сотни верстъ „отъ настоящаго жительства лопарей“.

На такое положеніе вещей на Мурманѣ обратилъ свое вниманіе и комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера и искалъ болѣе устойчивой базы для разрѣшенія этого вопроса, признавши, что:

1) главный источникъ своего существованія лопари получаютъ отъ рыбной лопи,

2) рыболовство по той степени культуры, на которой находится теперь лопари, и при страшной разбросанности рыболовныхъ угодій, вынуждаетъ лопаря вести кочевой образъ жизни, и тѣмъ безусловно мѣшаетъ прививать высшей культуры лопарямъ;

3) уровень благосостоянія лопарей въ общемъ при настоящихъ условіяхъ долженъ понижаться, такъ какъ часть рыбныхъ угодій постепенно переходитъ въ пользованіе колонистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рыбныя богатства, благодаря хищническимъ ловамъ самихъ лопарей, уменьшаются.

Въ настоящее время положеніе дѣль таково, что колонисты не имѣютъ права ловить рыбу въ рѣчкахъ, протекающихъ подь окнами ихъ домовъ, равно какъ и въ губахъ, на берегахъ которыхъ они поселились, что наблюдается, напримѣръ, по всей Кольской губѣ.

И если опять обратимся къ закону, то найдемъ лишь сплосное противорѣчіе.

Согласно положенію о льготахъ, предоставленныхъ переселенцамъ Мурманскаго берега, „колонистамъ, переселившимся на Мурманскій берегъ, предоставляется право заниматься промыслами иушнихъ звѣрей и птицъ, а также ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, находящихя близъ колоній“.

Наконецъ, законъ говоритъ, что „воды морскія даже при мѣстахъ, дѣйствительно, заселенныхъ, частному владѣнію подлежатъ не могутъ, но должны оставаться въ общемъ и свободномъ для всѣхъ пользованіи, при чемъ никому въ особенности не возбраняется заниматься рыбными

промыслами въ Сѣверномъ океанѣ и въ Бѣломъ морѣ. Вотъ тутъ то именно и наблюдается страшная неразбериха, и совершенно справедливо замѣчаетъ В. К. Солдатовъ, изслѣдовавшій промыслы семги на Мурманѣ, что „споры колонистовъ съ лопарями, возникнувъ съ началомъ колонизаціи, продолжаютъ до сего времени, а наше законодательство вотъ уже полстолѣтія какъ топчется на одномъ мѣстѣ, задавши цѣлью иттицуть мѣстную промысловую жизнь въ несоотвѣтствующія ей нормы“...

Неспокойствѣ лопари являлись единственными обладателями этого района и несли всѣ тяготы и повинности предъ государствомъ, являясь, по выраженію Вухарова, носителями русской государственности въ этомъ отдаленномъ и заброшенномъ край. Вполнѣ понятно, что лопари считаютъ за неотъемлемое право, что государство обязано путемъ закона обезпечить ихъ интересы.

Но что же поднимъ на дѣлѣ?

Закономъ, получая подѣ „угодьями“ не рыбныя ловли, а земельныя и въ то же время представляя полное право заниматься промыслами всѣмъ переселяющимся сюда, привелъ лишь къ тому, что лопари совершенно лишаются и лишаются того, чѣмъ, казалось бы, они вполнѣ законно владѣли до сихъ поръ.

Закономъ совершенно упустилъ изъ виду, что интересы пришлаго и мѣстнаго населенія, несомнѣнно, должны столкнуться.—

Поэтому, приближая не рѣдко къ возмутительнымъ насиліямъ одни надъ другими, какъ тѣ, такъ и другіе считаютъ себя юридически правыми, толкая законъ каждый въ свою сторону.

Такая вражда принимаетъ особенно широкіе размѣры главнымъ образомъ изъ-за обладанія семужьими тонами.

По взгляду самихъ лопарей имъ принадлежать всѣ водныя и земельныя угодья за исключеніемъ лѣса, составляющаго собственность казны. Всякій же отводъ земли въ исключительное пользованіе колонисту въ глазахъ лопарей—ничто иное, какъ захватъ лопской земли.

По общегосударственному закону правомъ рыболовства пользуется всякій русскій подданный. Слѣдовательно, этотъ законъ даетъ колонистамъ полное право ловить рыбу безъ различія и гдѣ имъ угодно, что, конечно, и не замедлило вызвать столкновенія между колонистами и лопарями, такъ какъ жизнь послѣднихъ тѣсно связана съ промысломъ семги, и они всѣ подати и повинности выплачиваютъ, исключительно благодаря промысламъ семги.

Въ то время, какъ колонисты пользуются всевозможными привилегіями и льготами, лопари несутъ несравненно болѣе тяжелое бремя повинностей и податей и не имѣютъ ровно никакихъ льготъ.

Весьма любопытную и важную такую справку приводитъ В. К. Солдатовъ по даннымъ Кольско-Лопарскаго волостного управленія.

У лопарей приходится податей въ годъ на одну душу:	
Экостровское общество	4 руб. 40 коп.
Воронежское „	4 „ 51 „
Кильдинское „	6 „ 5 „
Печенгское „	4 „ 5 „
Чалмозерское „	2 „ 17 „
У колонистовъ приходится въ годъ на одну душу:	
Териберское общество	2 „ 74 „
Гавриловское „	2 „ 44 „
Екатерининское „	2 „ 10 „

Притомъ колонисты териберскаго общества несутъ лишь волостной (1 р. 65 к.) и сельскій (1 р. 9 к.) сборъ; гавриловскаго: волостной (1 р. 5 к.), на дорожномъ повинности (29 коп.) и квартирныя повинности (50 коп.); скатерининскаго: волостной (1 руб. 65 коп.), сельской (10 к.) и на дорожномъ повинности (35 коп.). Слѣдовательно, лопарямъ приходится платить чуть не вдвое больше, чѣмъ колонистамъ. Лопари несутъ и такъ называемыя казенныя повинности, т. е. платить выкупныя платежи, государствен. позем. налогъ и десятинный сборъ, въ то время какъ колонисты отъ нихъ свободны.

Всѣ остальные занятія, какъ оленеводство, охота на звѣря, птицу и т. д., хотя и составляютъ существенную часть доходовъ лопари, но далеко уступаютъ промыслу семги.

По даннымъ Дергачева (60-е годы XIX в.), изъ полученнаго лопарями дохода въ 35.137 руб. рыболовство дало 22.607 руб., т. е. почти $\frac{2}{3}$ всего дохода (64,3⁰/₀); второе мѣсто по доходности заняла дѣловая охота на звѣря и птицу, давшая 3125 р. (8,9⁰/₀); третье—извозъ (т. е. перевозка главнымъ образомъ промышленникомъ, направляющихся на Мурманъ въ весеннимъ промысламъ, которыхъ теперь уже совершенно и не существуетъ)—2.810 руб. (8⁰/₀), и лишь на четвертомъ мѣстѣ стоитъ скотоводство—2.500 р. (7,1⁰/₀). Изъ 22.607 рублей, полученныя отъ рыболовства, 11.814 рублей, т. е. больше 50⁰/₀ дакъ ловъ семги.

Правда, эти цифры, заимствованныя у Дергачева, сильно устарѣли, тѣмъ не менѣе промыселъ семги въ жизни лопаря и теперь играетъ первенствующую роль.

Что же въ такомъ случаѣ остается лопарямъ, если и промыслы семги наконецъ будутъ у нихъ отторгнуты?

Вѣдь, законъ, закрѣпляя за ними земли и угодья, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ о рыбномъ занятіи, хотя одновременно и предоставляетъ право заниматься ловлей рыбы всюду и всякому желающему и, понятно, не исключаетъ возможности окончательной потери правъ лопарей на семужью тоню.

Совершенно справедливо замѣчаетъ В. К. Солдатовъ: „однѣ лишь рыбныя доли имѣютъ для лопаря цѣну, а земельныя же „угодья“—ровно никакой цѣны ни прежде, ни теперь. Вѣдь, лопарь, за полярнымъ кругомъ обрабатывающій землю—явленіе довольно фантастическое!“

Притѣсненія лопарей и завладѣнія ихъ „угодьями“ имѣютъ еще свое начало за громадный періодъ времени до колонизаціи Мурмана.

Подобныя шаги принадлежатъ извѣстному Трифоно-Печенгскому монастырю, который въ жизни лопарей сыгралъ, по словамъ Харузия, развращающую роль, являясь на протяженіи цѣлѣхъ вѣковъ ихъ работникомъ и эксплуататоромъ, не брезгуи рѣшительно никакими средствами, чтобы наконецъ обездолить безобидныхъ лопарей.

„Если задать себѣ вопросъ,—говоритъ Харузия, принесъ ли Печенгскій монастырь пользу лопарямъ, то придется отвѣтить на это, къ сожалѣнію, отрицательно. Онъ содѣйствовалъ ихъ обѣднѣнію, своимъ обращеніемъ ожесточалъ ихъ, примѣромъ жизни братіи дѣйствовалъ развращающимъ образомъ, онъ оставилъ кости ихъ въ невѣжествѣ.“

Монастырь всѣми правдами и неправдами добивался всевозможныхъ правъ на лопарскія угодья. Въ грамотѣ 1697 года указывается на недобросовѣстность, съ которой была составлена въ цесцовой книгѣ Алая Михалкова опись владѣній Печенгскаго монастыря. Грамота указываетъ, что лопари въ своемъ челобитіи написали: „какъ приходили

подъ Кольскій острогъ свейскіе гѣмцы войскою и лучшихъ многихъ людей побили и въ полонъ побрали; четвертью рѣки Туломы и албарцами завладѣли Печенгскаго монастыря старцы, потому что дѣти тѣхъ побитыхъ лопарей остались малы и угодами своими владѣть не могли“.

Даже Московское правительство неоднократно указывало на захваты монастыремъ лопарскихъ угодій и дѣлало цѣлый рядъ воспрещеній: „и впредь лопарямъ участковъ своихъ и рыбныхъ ловель и сѣбныхъ покосовъ и въ Печенгскій монастырь поступати и отдавать отнюдь не велѣно“...

О правахъ же лопарей на семужьи тони неоднократно упоминается въ грамотахъ. Такъ въ грамотѣ 1697 года упоминается, какъ Печенгскій монастырь захватывалъ ихъ себѣ: „въ Туломѣ подѣ надупомъ и подѣ камнемъ во всѣхъ ловляхъ красные рыбы, а въ озеряхъ и рѣкахъ бѣлые рыбы ловли“.

Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи находится эти права лопарей на семужьи тони и по настоящее время. Какъ извѣстно, споры и недоразумѣнія между лопарями и колонистами привели къ тому, что въ 1897 году архангельское по губернскимъ дѣламъ присутствіе пришло къ весьма курьезному выводу, такъ „до начала колонизаціи Мурманскій берегъ былъ необитаемъ, такъ какъ тамъ не существовало до этого времени осѣдлыхъ поселеній, и только на дѣтнее время сюда съѣзжались промышленники-поморы и на это же время являлись изъ своихъ тундръ лопари для ловли семги. Такъ какъ осѣдлыхъ жителей тогда не было, то лопари безпретензивно занимались ловомъ рыбы и мало-по-малу привыкли считать эти рѣки и озера своею собственностью. Но на самомъ дѣлѣ никакой законъ не закрѣпилъ за ними права собственности на эти рѣки“.

Если такое постановленіе присутствія могло вызвать улыбку, от лопарямъ, во всякомъ случаѣ, оставалось обжаловать его въ сенатъ.

Они подробно извѣстили все свои права на то, что считаютъ у нихъ „незаконнымъ“, выяснили свое положеніе и грядущее будущее и чрезъ повѣренныхъ своихъ отъ всѣхъ лопарскихъ обществъ въ поданномъ въ сенатъ прошеніи указали, что съ незамятныхъ временъ и до настоящаго времени рыболовныя мѣста для промысла семги, расположенныя въ рѣкахъ и заливахъ, находились въ исключительномъ пользованіи лопарей; не беззаконно владѣть лопари семужьими угодьями, а по волюгѣ опредѣленному закону, закону о государственныхъ крестьянахъ.

На указаніе же присутствія, что до колонизаціи Мурманскій берегъ былъ необитаемъ, что лопари лишь на дѣто являлись для лова семги, и посему семужьи тони за ними закрѣплены быть не могутъ, лопари основательно отвѣчаютъ, что, „вѣдь, и на озеряхъ и въ погостахъ они живутъ лишь временно, поэтому съ точки зрѣнія присутствія выходитъ, что и эти мѣста необитаемы, и что мы, лопари, нигдѣ и ничѣмъ не имѣемъ права пользоваться, ни владѣть, и что отовсюду насъ могутъ выжить, все отнять“.

Относительно закона о свободѣ промысла въ морскихъ водахъ лопарские повѣренные указали на то, что и само правительство признаетъ, что „морскіе заливы подлежатъ частному владѣнію: уступая Норвегій свою территорію, правительство включило въ условіе, чтобы семужьи тони въ губѣ Пазѣ и Ровдиной оставались въ неприкосновенномъ поль-

званіи и владѣніи царскихъ донарей, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ невозможно было бы достать средствъ для уплаты воинъ постей и на свое пропитаніе*.

При последнемъ же колонистовъ въ некоторыхъ случаяхъ было постановлено условіемъ, что они не будутъ имѣть права доить, веру въ рѣкахъ и на токахъ, принадлежащихъ донарямъ, которые, какъ замѣчено было выше, никакими льготами не пользуются.

На предложенія донарямъ заисключать въ колонисты и пользоваться ими льготами и преимуществами донари отбывали, что они теперь хотя и не прежніе дикари, незнакомые съ употребленіемъ хлѣба и соли и живущіе въ шатрахъ въ земляхъ жилищахъ, что хотя въ ихъ погостахъ строятъ уже настоящіе русскіи избы, православные храмы и школы, но все же они еще попрежнему кочевники: следи ихъ тапуть въ тулру, а промыселъ рыбы къ жеру и озерамъ, но что, быть можетъ, уже близко то время, когда донари начнутъ сличаться съ русскими, особенно подъ влияніемъ общей воинской повинности, воймъ порядковъ и хорошихъ примѣровъ съ развитіемъ школьнаго дѣла.

Все это произойдетъ лишь, когда донарей не будутъ обязывать и разорять и поступать съ ними равносравненно. Въ противномъ случаѣ, имъ еще болѣе придется раздвинуться, уйти въ тулру и тамъ дожить свой вѣкъ, пока все наше племя не вымеретъ*.

Донари просили, въ концѣ концовъ, правительство впредь и по земельному устройству крестьянъ оставить въ ихъ неприкосновенномъ пользованіи на прежнемъ основаніи, какъ они пользовались до сего года, безъ участія колонистовъ, въ сужужьихъ тогахъ.

На это предложеніе донарей, поданное въ сенатъ въ 1899 году, сдѣланы лишь 5 лѣтъ, приняты отвѣты, который равно несколько не разрѣшили вопроса и своею неопредѣленностью, вѣрнѣе, содѣйствовали еще болѣе оостренію отношеній между донарями и колонистами. Сенатъ подтвердилъ лишь постановленіе присутствій, оставили вопросомъ правъ донарейскихъ сельскихъ обществъ и журманскихъ колонистовъ на пользование рыбными промыслами на Мурманѣ открытымъ въ предѣлахъ полемельнаго устройства крестьянъ Архангельской губерніи* и упомянули объ известномъ законѣ о государственныахъ крестьянахъ, который, разумѣется, и остается въ силѣ, такъ какъ донари, какъ бывшіе государственные крестьяне, не исключены изъ сферы его дѣйствій.

Правда, благодаря такому рѣшенію сената, колонисты сразу же широко воспользовались предоставленными имъ правами свободно промысла, совершенно игнорируя интересы донарей, всякій порядокъ и традиціи дона семьи.

Это, наконецъ, повлекло къ необходимости «мирнаго» столкновенья какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Рѣшили произвести добровольный раздѣлъ топей, и съ этою цѣлью въ декабрѣ 1904 года состоялся сходъ колони стовъ екатерининскаго общества и донарей княвдинскаго общества. Конечно, ожидать отъ этого «добровольнаго» раздѣла болѣе или менѣе хорошихъ результатовъ не приходилось. Такая жѣра далеко была не въ состояніи навсегда уладить споры и недоразумѣнія между донарями и колонистами. Сравнительно кто-то замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса и улаживаніе распрей какъ бы всецѣло зависѣло отъ таможней администраціи. Подобные же споры, какъ тылулись раньше, такъ продолжаютъ и до настоящихъ дней и, безъ сомнѣній, будутъ продолжаться до того времени, пока вопросъ о колонизаціи Мурмана будетъ окончательно

но не урегулировать, а положеніе лопарей будетъ разсмотрѣно самымъ тщательнымъ образомъ. Вѣдь, какъ никакъ, а благодаря положенію вещей и создавшимся на Мурманѣ обстоятельствамъ, лопарей достигнуть въ недалекомъ будущемъ печальный копецъ, т. е. они слишкомъ слабы, чтобы выдерживать натиски приходящаго сюда элемента. Сѣдовѣательно, необходимо путемъ всевозможныхъ мѣръ и установленій гарантировать этому племени условія жизни, которыя содѣйствовали бы его процвѣтанію.

А. Жилинскій.

Варакгерское море и его исторія.

(Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера).

(Окончаніе. См. № 19 „Извѣстій“ за т. г.).

Возраженіе воеводы Олонечскаго.

„И то Господине заставя въ Палозерскомъ погостѣ учинена и Головы и цѣловальники по указу Великаго Государя, а не своимъ мысломъ, потому что в прошломъ в 189 году, июля в 27 день при его блаженныя памяти Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Оодора Иоанновича грамотъ изъ приказу Большой казны за прошелью дьяка Никиты Пагубина, на Олонцѣ велѣно съ лужскихъ въ семи погостахъ лопарей съ товары и съ проѣзжающихъ со великихъ чиновъ, торговыхъ людей и съ иностранцевъ, которые въ тѣхъ погостахъ за проданный товаръ будутъ собирать таможенную пошлину, вѣрше Новѣнецкіе голова и цѣловальники противъ новаго торговаго устава. Да и въ прошломъ же 190 году июля 15 прислана Государская грамота изъ Приказу Большой казны на Олонецъ, велѣно съ Лопскихъ погостовъ таможенные пошлины собирать Головамъ и цѣловальникамъ; а буде имъ въ тѣхъ лопскихъ погостахъ доведется сверхъ прежнихъ для сбора таможенныхъ пошлинъ поставить заставы и велѣно послать Головъ и цѣловальниковъ въ тѣхъ мѣстахъ поставить и беречь накрѣпко, чтобы торговля люди не платя пошлинъ никуда не проѣзжали.

Да и бы того, Господине, въ Палозерскомъ и въ иныхъ погостахъ на заставахъ цѣловальникамъ и другимъ чинамъ велѣно стоять, что въ прошломъ въ 193 году прислала Великій Государь грамоту изъ приказа Большой казны и по той Великій Государь грамотѣ изъ приказа Большой казны къ намъ на Олонецъ, купецкихъ людей которые ѣдутъ съ свинымъ и говяжьими мясами и съ рыбой и со великими съѣстными запасами за свейскій рубежъ пропускать ихъ не велѣно и о томъ велѣно таможенному головѣ и цѣловальникамъ приказати, накрѣпко, чтобы отнюдь занасовъ тѣхъ въ свейскій рубежъ не пропускать и буде они чрезъ тотъ Великихъ Государевъ указъ, что пропустятъ изъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, и Великимъ Государямъ про то учинить и вѣдомо и имъ за то быть въ опалѣ и въ жестокомъ наказаніи безъ великаго милосердія; а потому вышенисанному Великихъ Государей указу на тѣ заставы нынѣшняго 194 года цѣловальники изъ Новѣнецкой таможни и съ Олонца и на ослушниковъ, служилые люди послапа и тебѣ бы, Господине, о томъ и весь Соловецкій Монастырь, вотчины крестьянамъ, торговымъ людямъ и всякихъ чиновъ жителямъ, волѣть чинить

по указу Великихъ Государей безъ всякаго ослушанія, чтобы для того таможенныхъ пошлины поступали и недобору не было. Акты историческіе т. V стр. 222.

Посмотря на все это, Соловецкій монастырь выпиралъ дѣло. Его стараніе кетати подкрѣпило челобитіе Олопецкихъ купецкихъ людей, которые объявили, что съ пресѣченіемъ сбыта сельскихъ продуктовъ въ Донскихъ погостахъ или за рубежемъ, Олопецкіе крестьяне не будутъ въ состояніи платить податей для торжниковъ, выйдетъ безиромыслица, а для казны недоборъ таможенныхъ сборовъ. Акты историческіе т. V стр. 239.

Вслѣдствіе сего повелѣно и пропускать съѣстные товары по прежнему, какъ ѣздили до сего, съ очисткою однако же таможенныхъ. Мѣтъ, нѣсколько спустя, именно въ 196 году Панозерская застава была уничтожена и съ нею вмѣстѣ и въ другихъ мѣстахъ Поморья, въ Пустозерскѣ, Мезени, Кемролѣ, Варзугѣ, Умбѣ, включая Колу.

Показавъ, такимъ образомъ, куда дѣвались Лукоморскіе лопари, мы не можемъ съ равнотою достоверностію разгадать судьбу ихъ покровителей Новгородскихъ Мурманъ. Старшіе изъ среды ихъ братья по всей вѣроятности поселились въ Донскихъ погостахъ и владѣли въ нихъ вотчинами *) на правѣ помѣстья, а остальные жили у моря. Онѣ послѣдніе, пробавлялись промыслами и торговлею, не забывали морскихъ наѣздовъ и на этомъ поприщѣ оставили историческій слѣдъ.

Въ XI столѣтіи заглохло въ Европѣ имя Пормановъ, т. е. Новгородскихъ Мурмановъ, а до XV вѣка сохранилась объ нихъ отчетливая память. Подъ годомъ 1419 лѣтописецъ повѣствуетъ именно: что Мурмане мечемъ и огнемъ опустошили богатый и людной погостъ Попоксу и другія прибрежья Вѣломорскаго населенія. Надо полагать, что эти Мурманы тревожили и Норвежцевъ, которые не безъ причины на самой оконечности Варангерскаго залива воздвигли, донынѣ существующую крѣпость *Варденсъ*, между тѣмъ, какъ съ Двинянами Новгородцы жили постоянно въ братскомъ союзѣ. Причина ясная: Сѣверная Норвегія не можетъ и донынѣ прожить безъ русскаго хлѣба, а въ старину она покупала и соль вѣломорскую для своего рыбосоленія, слѣдовательно, въ двухъ главнѣйшихъ потребностяхъ нея зависѣла отъ Россіи.

Какъ бы то ни было, Великій Новгородъ въ званіи члена Ганзейскаго союза не могъ потворствовать морскимъ разбоямъ; а кровавые споры съ Двинянами и Норвежцами переполнили мѣру терпѣнія. Мурманы въ свою очередь должны были прекратить погромы и селитьба ихъ скрыта до основанія. Впрочемъ, это нельзя назвать фактомъ, а скорѣе догадка или предположеніе.

Въ половинѣ XVI столѣтія на берегу Варангерскаго залива возникло новое русское селеніе. Тутъ долго раздвигался монастырскій зовъ, и болѣе 200 лѣтъ кипѣла промышленная жизнь на берегу и на морѣ. Творцомъ этой послѣдней колоніи былъ преподобный Трифонъ, подвижавшійся въ проповѣди лопарямъ Христовой вѣры, онъ соорудилъ при устьѣ рѣки Печенги въ губѣ того же имени извѣстный въ лѣтописяхъ монастырь, получившій по свойству мѣстности трехсторонній характеръ: промышленный, торговый и морской.

*) Кроме Марыи Варенской, въ Вѣломорской Королѣи находились многіе Новгородцы помѣщики. О существованіи ихъ неоднократно упоминаетъ ближайшій къ Донскимъ погостамъ лѣтописецъ Соловецкій.

Въ 1556 году Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ Печенгскому монастырю грамоту на разные угодья и снабдилъ его кингами, колоколами и церковною утварью. Благодѣтельствовалъ и царь Оедоръ Іоанновичъ; но шведы злобно смотрѣли на этотъ опытъ колонизаціи русскаго осѣдлаго народа Варангерскаго Поморья. Они трижды разорили колонию и въ четвертый разъ въ 1591 году въ самый праздникъ Рождества Христова сожгли монастырь и побилъ сто шестнадцать монаховъ и слугъ, остальные спаслись бѣгствомъ.

На сей разъ дерзкіе грабители не остались безъ отмщенія. Въ 1593 году ратные воеводы князь Андрей Романовичъ и князь Григорій Волхонскіе съ войскомъ изъ Холмогоръ города въ Каляну и причинивъ тамъ опустошеніе, возвратились съ великой добычей *).

Въ 1596 году Царь Оедоръ Івановичъ велѣлъ перенести Печенгскую обитель въ Колъскій острогъ, гдѣ она, въ силу Царской грамоты, сохранила прежнее свое наименованіе Живоначальной Троицы Печенгскаго монастыря и всѣ свои владѣнія, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимала Печенгская колонія, но въ 1619 году выстроенный въ Колѣ монастырь сгорѣлъ, послѣ пожара не возобновлялся, а старцы на братскомъ соборѣ рѣшили жить въ общемъ монастырѣ въ Печельгѣ.

Въ 1675 г. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ особой жалованной грамотѣ Печенгскому монастырю, подтвердилъ всѣ потчинныя и торговля права, дарованныя отцомъ и прежними монархами, съ подробнымъ показаніемъ, исчерпнутыхъ изъ шнечовыхъ книгъ кунчихъ крѣпостей, дарственныхъ и жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ мѣстахъ и урочищахъ ихъ рыбныя ловли, лѣса и дворы, и дворовыя мѣста, и созиныя парницы, и мельницы, и амбары, и всякіе монастырскіе заводы, угодья и евные покосы.

Наконецъ, въ 1764 году Печенгскій монастырь былъ упраздненъ, его земли, воды и лѣса сдѣлались бесполезнымъ для Россіи Государственнымъ имуществомъ, а заводы и строения сокрушилъ время; но Святѣя неколебима! Вблизи устья Печенги на руинахъ старой обители, разоренной шведами, стоитъ часовня (а вполнѣдствіи воздвигнута церковь), а въ 15 верстахъ вверхъ по Печельгѣ сохранилась церковь Сръбненія Господня, гдѣ почіють мощи преподобнаго Трифона, да другая пустынная же церковь Бориса и Глѣба, поставленная тѣмъ же угодникомъ, при устьѣ рѣки Паарьки. Обѣ эти церкви привлекають вабожниковъ поклонниковъ, именно: въ первыхъ числахъ февраля и 20 іюля, т. е. въ праздники Сръбненія Господня и преподобнаго Трифона и Бориса и Глѣба. Въ тѣ поры створяють двери уединенныхъ храмовъ, и въ нихъ совершается служба Вождя священникомъ, пріѣзжающимъ изъ города Колы **).

Вследъ за нашими богомольцами Норвежцы для торговли ежегодно пріѣзжаютъ изъ-за рубежа съ своими товарами, на ряду которыхъ главную роль играютъ: колониальный, ромъ и превосходный англійскій ликеръ. Но это одна лишь тѣнь той старинной ярмарки, кака я тутъ процвѣтала во время существованія Печенгской обители, особенно въ XVI вѣкѣ. Тутъ былъ свой порто-франко, въ которомъ продавались

*) Исторія Россійской Іерархіи.

***) Въ настоящее время, по распоряженію мѣстнаго Епархіальнаго начальства, въ одну изъ сихъ церквей назначенъ постоянный священникъ и построена усадьба. Такимъ образомъ русское духовенство вторично кладетъ краеугольный камень колонизаціи русскимъ элементомъ Варангерскаго Поморья.

не одни различные товары съ монастырскихъ амбаровъ и съ бортовъ ко рабелей, но и въ сроки; а главнѣйшіе товары имѣли постоянную цену. Мурманскую и заграничную. Въ подтвержденіе ссылаемся на историческіе факты, заимствованные изъ торговой книги 1575 г. *).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ названна русскаго кунца на Мурманскій берегъ:

1) 1575 годъ. „На Мурманскомъ берегу смола бочка продана на 4 сѣмька, въ свою цѣну встанеть 1 р. 10 коп. и 1 денъш. въ Голландской землѣ купленъ по 3 сѣмька, и ты имаетя на 500“.

2) „На Мурманскомъ берегу пару бочка вѣсомъ въ 7 пуд. купити за полтретя руб. а въ грабовахъ бочка по 9 сѣмьковъ и ты стова ривай на 100 бочекъ 1575“.

3) „На Мурманскомъ берегу сѣкры словиди чистыя, показати образцы, цѣною говори за бочку по 19 сѣмьковъ и ты имаетя на 10 бочекъ“.

Кромѣ церковныхъ намятниковъ, Печенгскій Монастырь оставилъ по себѣ слѣды нучительныя для потомства на поприщѣ экономическихъ своихъ трудовъ. Въ устьяхъ Печенги и Нарьки спускались на воду большія, нормандскія лоды и мелкія промышленныя суда. Кромѣ шлюпокъ, бобылей, слупъ и дѣвятишней, Монастырь содержалъ: солончарню, мельничковъ, разныхъ мастеровъ, мореходовъ и горныхъ забрелочковъ, и всеперемозныхъ лодьяхъ кормачиковъ, посошничковъ, основей и всему этому міру независимо отъ духовной пищи, сообщали ревностный трудъ и нелицемерное довольство.**). На оборотѣ медали: всѣ монастырскіе и жителейскіе потребности доставляла подрая пустыня посредствомъ промысловъ, мануфактуръ и торговли.

Монастырскія лоды выходили изъ Барангеревыхъ гаваней на руженными не одними произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на Печенгскомъ торжкѣ, въ датскія заливаша, а можетъ быть и въ Шве. Сверхъ того, монастырскія экономы, за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ потребностей и мѣстной распридажи одну складку во внутрь Россіи до 40.000 пуд. соли безплатно, по особой привилегіи. Въ Холмогорахъ и Архангельскѣ перемозила перевозка товаровъ съ

* Торговля 1785 г. издаю Архнг. Обществомъ въ 1864 г.

**). Для полноты предмета счисляемъ нѣсколько строкъ изъ грамоты Царя Алексея Михайловича, дающихъ понятие о движеніи монастырскихъ промысловъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ и о благотворныхъ злѣтахъ, которыми пользовались Печенгскіе монастыри братія. „И съ тѣхъ поръ со всѣхъ рыбныхъ промысловъ и съ зверовъ и съ варяговъ и со всякихъ промысловъ, которые въ вѣдомой грамотѣ, въ законѣ, и съ людей, которые приходили въ монастыри и въ варяжскыя промыслы и перевозити въ Усмань и въ монастырь всякъ хлѣбнае даяны и съ всякихъ кожанъ, съ голубиной явки, и съ збирнаша донель и дуконнаго поминаю съ монастыря, и съ всякъ кроветышъ, и съ крещенныхъ лодирей, и съ коняковъ, которые а идутъ въ монастыри, и у варяговъ, и у мещанщъ, и на рыбныхъ промыслахъ по рѣкамъ, по заборахъ и по токамъ, и на всякихъ монастырскихъ рыбныхъ и збирнахъ промыслахъ, и съ удобряхъ судовъ на морѣ и окружничковъ отъзукъ, тави и оброчковъ, и съ мѣнихъ не велѣно ни съдъ и ни чего, и таможеннаго половакъ и полова варяжскыя и всякимъ поплавающимъ двоямы тави, полавитъ и явка и хлѣбскаго и съ всякъ поголовнаго, и съ монастырскихъ хлѣбныхъ зячачицъ, и съ являхъ со всякихъ закупать которые они привозитъ въ монастырь къ варяжцамъ на лодьяхъ, и съ соли и съ рыбы, и съ сала, и со всякихъ ямъскихъ и лонжихъ товаровъ съ козювки и продажи, и прѣжнихъ и отъзвжыхъ и всякихъ полавитъ съ похъ не имати мѣсто; съ того что продаютъ съ своихъ промысловъ какихъ товаровъ для монастырскаго обихода, и что зявля купити на монастырскій обиходъ и съ рыбныхъ и прѣжнихъ и со всѣхъ ихъ промысловъ, съ бѣлой и красной рыбы, съ трескы и шалтоса десятины, а съ сала тресковаго и китоваго, десятины имать съ нихъ не похъ“.

морскихъ судовъ на рѣчныя, а сбытъ по всѣхъ помутныхъ городахъ и торжищахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы зимнимъ путемъ доставлялись прямо въ Москву. При столь обширной операціи, монастырь въ главныхъ пунктахъ имѣлъ свои подворья для склада привозимыхъ и закупки мѣстныхъ товаровъ; закупка и обратный привозъ составляли слѣдующіе предметы: „хлѣбные запасы про монастырскій обиходъ и солянымъ парницамъ, рожь и ячмень и овесъ и солодъ и крупа и толокно, и сѣмя конопляное и масло, и мясо, пшеница и горохъ, и медъ на кутью и воскъ на свѣчи, и на платъе холсты, точила и сукна всякія, и обувь и на обувь всякія кожи дубленныя и тафты бѣлая и красная, и конопля и прядево всякое на пеньды и сѣти, на судовую снасть на тросы и канаты и смолу, чѣмъ суда смолятъ и всякія заморскіе запасы велѣно купить безбошлинно (Акты историч. Т. V стр. 551).

Потребленіе такихъ вещей показываетъ довольство, въ которомъ жили печенгскіе поселенцы, а съ другой стороны обнаруживаетъ возможность развитія на Варангерскомъ берегу значительнаго рынка для сбыта сельскихъ произведеній сѣверо-восточныхъ губерній, рынка съ двухъ сторонъ полезнаго и въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Усиливая внутреннее потребленіе сырыхъ продуктовъ, здѣшній рынокъ въ то же время ослабилъ бы слѣдную зависимость русской торговли отъ лондонской регулированной компаніи, директирующей со времени Чепслера Архангельскимъ портовымъ торгомъ посредствомъ своихъ смысленныхъ факторовъ.

Морская торговля Печенгскаго монастыря, совершаемая уже въ дѣсныя историческія времена, на опытѣ доказала, что сѣверная мѣстность Варангерскихъ гаваней не замкнута природою для мореплаванія. Для вѣщаго разубѣжденія взглянемъ и на живые примѣры: предъ нашими глазами Сѣверная Норвегія и Улеаборгъ. Не взирая на сѣверную мѣстность, отъ первый въ цѣлой Финляндіи на поприщѣ кораблестроенія, мореконной техники и мореплаванія, а изъ Варангерскаго поморья и лопскихъ погостовъ въ Каялу и Улеаборгъ рукою подать.

Вспомнимъ еще, что европейское мореходство получило начальное развитіе не на югѣ, а среди отважныхъ и закаленныхъ въ морѣ сыновъ глубокаго сѣвера. Въ началѣ среднихъ вѣковъ норманы высилали почти все свое пародонаселеніе въ море. Въ IX вѣкѣ толпы нашихъ норвежскихъ сосѣдей зашли Исландію и въ этой ледяной пустынѣ образовали правильную и даже просвѣщенную, по тогдашнему времени, мореконную державу. Почему же бы и русскимъ сѣвернымъ людямъ не образовали простой приморской колоніи на мѣстѣ, которое въ старину почиталось мѣстомъ благоутробнымъ для составленія честной обители, гдѣ ночіють мощи святочимаго основателя, готоваго своимъ молитвами къ Царю Небесному споспѣшествовать дѣлу, имъ самимъ начатому.

Въ заключеніе историческаго замѣтокъ о Варангерскомъ поморьѣ, съ той же точки зрѣнія, бросимъ бѣглый взглядъ и на Россійскую границу въ той мѣстности.

Отъ сѣверо-западнаго конца Архангельской губерніи, т. е. отъ бухты Ворьемы, Норвежская граница продолжается до озера Верхней Имаандръ, по-норвежски Епаратъ; считая всѣ изгибы, протяженіе составитъ 600 верстъ, а въ прямой линіи отъ востока къ западу 230. Это полая пограничная черта. Старая же имѣла оставленное Великимъ Новгородомъ направленіе. Словомъ, въ древніе годы весь Варангерскій за-

дствъ принадлежалъ Россіи: Западную ея часть Норвежцы присвоили (съ Гандвикомъ) себѣ въ Смутное время, когда Новгородъ съ пригородами былъ за Швейцарскімъ королемъ до Столбовскаго мира. Съ тѣхъ поръ граница, вплоть до 1826 года, выходила къ Варангерскому заливу у Вересъ наволока. Но въ 1826 году экспедиція для опредѣленія рубежа между Норвегіей и Россіей слабо рѣшила отнести границу Государства до бухты Вормель, верстъ за 70 къ востоку въ прямой линіи, не принимая въ расчетъ изгибовъ берега и сухопутной территоріи. Для того уступлены Швеціи судоходные заливы: Пявдемскій, Назрѣцкій, Ровденскій и на прибрежьи большое количество рыбныхъ, звѣриныхъ и лѣсныхъ угодій.

Такимъ образомъ, Россія лишилась чудной Назрѣцкой гавани, имѣющей у Назрѣрки сообщеніе съ отдаленными лѣсами, и въ добавокъ эта душа православныхъ лопарей, олутившихся заграницею, лучшихъ тресковыхъ становницъ и бобровыхъ готовъ, тогда какъ эта территорія, морская и горная, во шведовыхъ книгахъ, кунчимъ крѣпостямъ, дарственнымъ записямъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ составляла собственность Печенгскаго монастыря. Независимо отъ исторіи, изъ множества на это юридическихъ доказательствъ представляется еще одно свидѣтельство пшечовой книги на монастырское владѣніе рѣкою Пявдемою, удаленной отъ извѣстной границы верстъ на 60 къ западу.

„Въ рѣкѣ Пявдемѣ рыбная ловля, съ тонями и горовыми мѣсты и съ бобровыми и звѣриными ловлями и съ лѣсными (лѣсными) озерки; да два амбара съ погребомъ, да кеса (тресковое становнице) да топя Давыдовская съ горовыми мѣсты, а межа отъ Песку до Товскаго наволоку“ *).

Вотъ и другой Актъ на владѣніе рѣкою Назрѣкою и Назрѣцкимъ устьемъ.

„До Печенгскаго же монастыря рѣка Назрѣка, три лука и угодья къ тѣмъ лукамъ, тоже подъ Нахтою, топя подъ другою Нахтою Оеофиловская, а межа Назрѣцкое устье, да топя Крестова отъ моря до половины рѣки Ровденги и съ топлями, да топя Ручьская, топя подъ наволокомъ, а межа къ морю до Швецкаго наволока съ горовыми мѣсты; да по Назрѣкѣ жъ на устьѣ храмъ страстотерпителевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба, поставленные строители ихъ старца Трифона“.

Еще въ 1623 году Царь Михаилъ Осеоровичъ на претензіи датскихъ подданныхъ норвежцевъ далъ слѣдующую резолюцію: **)

„А ивѣчто швецкіе датскіе люди учнутъ, къ намъ впрредъ прѣзжая какихъ оброковъ и дани и съ рыбы десятины у нихъ просить, а если (шумену съ братією) швецкимъ людямъ оказывать, что та рѣка Лопская ископи вѣчная вотчина наша Великаго Государя, а не Датскаго Короля и по 1610 годъ въ тое землю Датскаго короля люди ни въ чемъ не вступались, и даней, и оброковъ, и рыбныхъ десятины не спрашивали, а послѣ того въ тое землю учалъ вступать мимо прежній обычай.***)

Развѣжемъ историческій узелъ казусаго дѣла. Въ началѣ XVII столѣтія, когда шведы властвовали въ Новгородѣ и смутною волновалась

*) Акты историческіе. Т. IV стр. 550.

***) Эти резолюціи слушалъ и слово въ слово подтвердилъ въ 1675 году Царь Алексѣй Михайловичъ.

***) Акты историческіе. Т. I стр. 548.

Россія, Каянскіе сосѣди возобновили набѣги на Кольское поморье и заняли Печенгскую колонію. Беззащитные старцы, будучи въ рукахъ у свейскихъ ратниковъ, творили ихъ волю, продовольствовали незваныхъ гостей и платили дань. Источивъ средства честной обители, свейскіе пѣмцы отравились во шлоен, но передъ очищеніемъ монастырскаго владѣнія они по сдѣлкѣ съ норвежцами уступили имъ завоеванный Варангерскій заливъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ передали свое волчье право на взиманіе дани съ русскихъ поселенцевъ. Независимо отъ дани, норвежцы имѣли въ виду давно желанную цѣль. Безлѣпный ихъ Финмаркенгъ всегда съ завистью смотрѣлъ на русскую лѣсную территорию, а тутъ представился благо случай рубить русскій лѣсъ, пожалуй, русскимъ же топоромъ, расчитывая работу въ счетъ дани.

Въ 1617 году по заключеніи Столбовскаго со Шведами мира, Новгородъ съ пригородами и уѣздами возвращенъ подъ Россійскую Державу. Иссмотря, однако, на то, Норвежане овладѣли Гандвикомъ до Вересъ-наволока, т. е. до предѣла монастырскаго владѣнія, и долго не оставляли своего притязанія на Печенгскую дань. Съ упраздненіемъ Печенгскаго монастыря расширились и виды ихъ на оставленную впустѣ богатую монастырскую землю. Выждавъ благоприятный моментъ, когда въ Россіи началось опять движеніе, когда новый Императоръ Николай 1-й только что вступилъ на престолъ, Норвежцы, подкупивъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ Песельерде, согласившагося, отбросивъ всякія историческія права на землю, размежеваться по проекту Норвежцевъ, достигли своей цѣли, убѣдивъ членовъ экспедиціи на постановку новой границы.

Новая граница начинается у озера Верхней Пмандры, которое соединяетъ три пограничныя черты: Норвежскую, Русскую и Финляндскую. Отсюда нашъ рубежъ идетъ по ручью Пасель, до впаденія въ рѣку того же имени; далѣе по этой рѣкѣ тянется на сѣверъ, но, не доходя моря, поворачиваетъ отъ рѣки направо, вдоль берега и, поровнявшись съ губою Вересъ, старой границей, удаляется прямо на югъ. Тутъ на протяженіи 10 верстъ она пересѣкаетъ рѣку Пивдему, Четельгу и, коснувшись рѣки Пазъ, рѣки, впаденія въ нее ручья Репона, идетъ по лѣвому берегу; въ этомъ направленіи, наткнувшись на препятствіе—русскую церковь Бориса и Глѣба, обходить ее кругомъ колѣномъ и, отрѣзавъ на самомъ взморьѣ Пазрѣкое устье, а за нимъ устье рѣки Ровдени, удаляется вторично отъ морского берега верстъ на пятьдесятъ къ юго-востоку, до озера Самозеро; наконецъ, прорѣзавъ Гаморро, поворачиваетъ къ морю по ничтожной рѣкѣ Ворьемъ, впадающей въ столь же ничтожную бухту Ворьему. Такимъ образомъ, одна лишь юго-восточная часть Варангерскаго залива принадлежитъ къ Россіи. Къ счастью, меженики 1826 года оставили судоходную рѣку Печенгу, единственный теперь путь къ заморскому сбыту произведеній Варангерскаго поморья, въ случаѣ колонизаціи лѣсовъ Варангерской пустыни и дальнѣйшаго развитія промысловъ въ Кольскомъ уѣздѣ.

Обдорскія пѣсни *).

(Съ нотами).

Огромное, необъятное количество народныхъ пѣсенъ распределено по лицу русской земли далеко неравномѣрно и по качеству, и по количеству: есть цѣлые районы, гдѣ не поютъ почти никакихъ пѣсенъ, кромѣ частушекъ. Есть мѣстности, гдѣ старинныя пѣсни давно вытѣснены пѣснями повѣйшей формаціи. Но зато есть и такія мѣста, которыя являются какъ бы гнѣздами массы любопытнѣйшихъ остатковъ стариннаго пѣсеннаго творчества, гдѣ собиратель находитъ цѣлыя розсыпи и залежи пѣсенъ.

Однимъ изъ такихъ гнѣздъ можетъ считаться и Обдорскъ. И притомъ обдорскія пѣсни имѣютъ нѣкоторыя характерныя черты, отличающія ихъ отъ пѣсенъ другихъ районовъ. Дѣлаю необходимую оговорку: я имѣю въ виду не текстъ пѣсенъ, не ихъ содержаніе (не представляющее вообще особеннаго интереса), а исключительно *напѣвы*, которымъ главнымъ образомъ и посвящаю настоящую статью. Обдорскія пѣсни, прежде всего, конечно,—пѣсни великорусскія, сѣверныя.

Если классифицировать великорусскія пѣсни по напѣвамъ, то я бы намѣтилъ слѣдующія главныя группы:

1) Пѣсни протяжные съ неопредѣленнымъ напѣвомъ, которымъ можно назвать *ироническими* или *ирризмическими*. Типомъ этой группы являются напѣвы Олонецкой и Архангельской губерній. Я слышалъ много ихъ во время своихъ поѣздокъ по Лѣтнему берегу Бѣлаго моря. Эти пѣсни очень трудно запомнить: заунывный напѣвъ тянется съ переливами, съ подхватами; очень трудно уловить ритмъ, запомнить мотивъ и самому спѣть—очень трудно даже человѣку, обладающему хорошимъ слухомъ. Сколько разъ я слышалъ архангельскую „Калинушку“ или „Что вы, дѣвушка, призадумались“ и никакъ не могъ запомнить!

Эти напѣвы очень трудны и для записыванія. Почти всѣ пѣсни въ извѣстномъ сборникѣ Истомина и Дютца:

„Пѣсни русскаго народа, собранныя въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ“, принадлежатъ къ разсматриваемой группѣ. Напѣвы записаны, несомнѣнно, вѣрно, но по потамъ не всегда легко возстановить мотивъ и пропѣть пѣсню съ ея характерными подхватами и переливами. Мнѣ, напр., записи Дютца нисколько не помогли въ воспроизведеніи „Калинушки“ и др. пѣсенъ, хотя я и самъ слышалъ тѣ же пѣсни непосредственно и отъ пѣвцовъ.

Неопредѣленность мотива влечетъ за собою его неустойчивость: часто нѣсколько пѣсенъ поется почти на одинъ и тотъ же мотивъ; разные исполнители или въ разныхъ деревняхъ поютъ по совѣмъ одинаково одну и ту же пѣсню. На Лѣтнемъ берегу замѣчается, что и другія пѣсни—не мѣстнаго происхожденія, поются невѣрно, при чемъ искаженный мотивъ данной пѣсни приближается къ господствующему въ этой мѣстности мотиву. Какъ будто мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ опредѣленными напѣвами, но и съ особымъ характеромъ пѣсеннаго творчества, съ особою склонностью къ сочетанію извѣстныхъ звуковъ въ извѣстномъ ритмѣ. И въ такихъ мѣстностяхъ даже самыя извѣстныя всероссійскія пѣсни поются неправильно, фальшиво. Въ испол-

*) С. Обдорскъ, Березовскаго уѣзда, Тобольской губ.

пении иъвиць съ Лѣвняго берега (греблицъ на карбасѣ) я иногда съ трудомъ различалъ даже такія знакомыя иъсени, какъ „Ванька—Клюшникъ“ или „На серебряной рѣкѣ“. Подобныя же исторіи выходятъ иногда съ хорами панихъ провинціальныхъ иъвческихъ обществъ, руководимыхъ церковными регентами: они все сбиваются на церковное иъвнѣ! Я однажды слышалъ хоръ, исполнившій „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“ подъ прорабщеннымъ руководствомъ иъкоего неалмонѣвца: выходило очень похоже на Херувимскую.

Нужно, однако, сказать, что пѣвцы разематриваемой группы могутъ дать богатый матеріалъ оперному композитору. Въ основѣ ихъ есть какаит-то стихійная сила и глубина, которая только не проявляется въ достаточно опредѣленныхъ очертаніяхъ. Но если обработать такой мотивъ, то можетъ получиться своего рода перлъ. Вѣдь, извѣстный, чудный хоръ поселилъ изъ „Игоря“ Бородина: „Что не буйный иътеръ завывалъ“, въ сущности тоже можетъ быть отнесенъ по характеру мелодіи къ разематриваемой группѣ.

2) Пѣсни протяжныя съ опредѣленнымъ напывомъ. Основной великорусскій характеръ тотъ же, что и въ первой группѣ, но мотивъ опредѣлительнѣе, ритмъ проще. Иъсени эти легко запоминаются, точная запись легче. Къ этому типу относятся главнымъ образомъ иъсени смоленскія, псковско-новгородскія, московскія, волжскія, уральскія, сибирскія и др. Широко распространенныя по всей Россіи, онѣ часто раслѣвлялись на студенческихъ вечерникахъ, и ихъ популярностъ и общезвѣстностъ въ значительной степени создана студентами, несмотря на всѣ стѣненія, которымъ подвергалась учащаяся молодежь, даже когда она собиралась только для того, чтобы повеселиться и цѣлѣть. Это, такъ сказать, *классическая* народная иъсени. Такова, напр.: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“, „Ванька Клюшникъ“, „Не сибѣни, моя красавица, домои“, „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ, съ Нижня Новгородѣ“, „Вдоль да по рѣкѣ, вдоль да по Кавказѣ“, „Возлѣ рѣчки волаѣ мосту“, „Стѣнь Моздокская“, иъкоторыя эмицціи, арестантскія, разбойничья иъсени. Къ нимъ близко подходят по характеру пѣвцовъ и иъкоторыя старинныя романсы интеллигентскаго происхожденія, напр., „Долго я въ лужкахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать“ кнѣзя Хованскаго (въ серединѣ XVIII столѣтія). Иногда одна и та же иъсени, смотря по мѣстности, поется на два пѣвца: одинъ неопредѣленный (очевидно, болѣе древній), другой болѣе отчетливый, совершеннѣйшій. Вообще, можно предположить, что вторая группа мотивовъ—плодъ сравнительно вышей мелодической культуры, вторая ступень иъсеннаго творчества.

Есть, напр., два мотива „Ваньки-Клюшника“: уральскій—неопредѣленный таеумій, монотонный, и нижне—волжскій—итолѣвъ опредѣленный и очень мелодическій, особенно въ хоромъ. исполненія на иъсколькото голосовъ. Въ Архангельской губерніи и слышалъ только первый пѣвца—мотивъ совершеннѣйшій и, иъпротивно, болѣе древній.

3) Третью группу составляютъ *народныя романсы*. Это—иъсени сравнительно недавняго происхожденія, въ значительной степени—продуктъ городского творчества. Здѣсь мелодія ближе подходит къ современной европейской музыкѣ, многіе народныя романсы напоминаютъ итальянскія народныя иъсени, взять хотя-бы „Въ одной знакомой улицѣ“, „Мальвицу“, хотя заимствованія не замѣчаются. Многіе народныя романсы очень мелодичны. Характерной чертой часто является какой-то

почти болѣзненный надрывъ, часто замѣчается фальшивая преувеличенность чувства, чрезмѣрная сентиментальность, а иногда и кощлость.

Итъ классической ясности и простоты наибольшъ старшинскъ пѣсенъ второй группы.

Изъ народныя романсы можно отнести: „Хазь Булатъ удалой“, „Мальвину“ („Вѣднй рыцарь все стремится ко Мальвинѣ молодой“), „Стрѣлочка“, „Нигдѣ милаго не вижу“, „Чудный мѣсяцъ плыветь надъ рѣкою“, „Могилу“ („Пускай могила меня покажетъ“), „Любила меня мать, уважала, что я непаглядная дочь.“, „Въ одной знакомой улицѣ“, „Кругомъ я такъ осиротѣла“. Сюда еще можно отнести едва-ли не большинство арестантскихъ пѣсенъ, напр.: „Я и шелъ по офицерской, стоить направо желтый домъ“, „Погибъ я молодчикъ, погибъ я навсегда“, „Когда я былъ свободный мальчикъ“ и др.

Народные романсы иногда берутъ текстъ изъ стихотвореній пѣстныхъ поэтовъ; такъ есть народный пѣвѣвъ на слова Кольцова: „Ты не плачь, не горюй, слезъ горячихъ не лей“, „Пѣвѣвы народныхъ романсовъ часто очень напоминаютъ плоды индивидуальнаго творчества въ родѣ разныхъ „цѣганскихъ“ пѣсенъ, а также разныхъ сентиментальныхъ романсовъ второразрядныхъ композиторовъ, напр.: „Голубка моя, умчимся съ тобой“ (слова Меретковскаго).

Рѣзкой границы между второй и третьей группой провести нельзя: многы пѣсни занимаютъ среднее положеніе (по пѣвѣвамъ) между старинными народными протяжными пѣснями и народными романсами; напр., „Послѣдній пыфншій денечекъ“, „Прощай, радость жизнь моя“, „На серебряной рѣкѣ, на золотомъ песочкѣ“, „Ты весной, весной жавороночекъ, жавороночекъ, на проталинкѣ“, „Мамашенька брагнтся, что доченька грустна“, „Мамаина спитъ, шитье бросаю“ и мн. др.

Замѣчательная и любопытная особенность народныхъ романсовъ: ихъ необычайно быстрое, какое-то эпидемическое распространеніе по всей Россіи, при чемъ данная пѣсня долго не держится, а скоро сходитъ съ репертуара, замѣняя ее скоро другимъ поимъ популярнымъ пѣвѣвомъ. Такъ одно время (1876—1879 г.г.) велъ Россія пѣсла „Стрѣлочка“, потомъ „Хазь Булатъ удалой“, „Мальвину“ (1882—1883 г.) „Нигдѣ милаго не вижу“. Не такъ давно велъ пѣсла „Чудный мѣсяцъ плыветь надъ рѣкою“ (начиная приблизительно съ 1899 года), по потомъ его отъ части вытѣснила „Разлука“ (сочиненная гораздо раньше, но бывшая сравнительно въ загоу). Послѣ японской войны появился „Послѣдній пыфншій денечекъ“ и со скоростью желѣзнодорожнаго поѣзда облетѣлъ буквально всю Россію. Теперь, кажется, чаще поютъ „Могилу“.

Прослѣдить мѣсто зарожденія и пути распространенія этихъ „лейт-мотивовъ“, кажется, никому не удалось, т. к. народными романсами вообще интеллигенція не интересуется, относится къ нимъ какъ то брезгливо, какъ къ „кухарочьимъ“ пѣснямъ.

Довольно большое влияніе на быстроту и широту распространенія народныхъ романсовъ оказывали шарманки, а потомъ граммофоны.

4) Четвертую группу могутъ составить пѣвѣвы духовныхъ стиховъ, пѣсенъ слѣпцовъ, раскольниковъ гимны. Очень хороши, между прочимъ, смоленскій пѣвѣвъ „Дазаря“. Сюда же примыкаютъ пѣвѣвы былинъ, нѣкоторыхъ историческихъ пѣсенъ, напр., замѣчательный смоленскій пѣвѣвъ, извѣстный по многимъ хрестоматіямъ пѣсни о татарскомъ полонѣ

(„Какъ за рѣчку, какъ за Дарью“). Въ сборникѣ Истомина и Дютца приведено много характерныхъ напѣвовъ именно этой группы.

5) Пятую группу образуютъ *пѣсни уральскія*; напр. „Вдоль по улицѣ широкой молодой кузнецъ идетъ“, или еще одна очень хорошая, съ оригинальными словами уральская пѣсня: „Протянулись усы отъ Мiаса до Куса“. Сюда-же относятся большинство солдатскихъ пѣсенъ. Особый отдѣлъ этой группы могутъ составить плясовые пѣсни.

6) *Пѣсни дѣтскія*, которыя стали таковыми впоследствии. Первоначально большинство ихъ не были собственно дѣтскими, а игровыми и свадебными. Для дѣтей были выбраны пѣсни, отличавшіяся болѣе простыми, жизнерадостными напѣвами, и затѣмъ распространились, какъ дѣтскія совместнымъ воздѣйствіемъ семьи и школы, а также самими дѣтьми.

7) Наконецъ—*частушки*. Самая замѣчательная частушка (по напѣву)—волжская „Мотаня“, затѣмъ исковская „Кровинушка“; сѣверная частушка „Дроля“

Если мы обратимся теперь къ обдорскимъ пѣснямъ, то увидимъ, что онѣ имѣютъ свой особенный колоритъ.

Конечно, въ Обдорскѣ поется много пѣсенъ, занесенныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Распѣваются даже и малороссійскія пѣсни, не такъ давно занесенныя ссыльными студентами-хохлами.

Но есть и чисто мѣстныя, исконно обдорскія пѣсни, главнымъ образомъ игровыя и свадебныя. Конечно, эти пѣсни сочинялись не въ самомъ Обдорскѣ, но, по крайней мѣрѣ, онѣ тамъ существуютъ очень давно, при чемъ, очевидно, все, что не подходило подъ музыкальный вкусъ обдорянъ, было уже давно отброшено и забыто, а осталась въ народной памяти только тѣ напѣвы, которые какъ-то гармонировали съ общимъ музыкальнымъ настроеніемъ обдорянъ. Въ концѣ концовъ осталась группа пѣсенъ, имѣющихъ нѣкоторый общій отпечатокъ. И и буду имѣть въ виду исключительно старинныя обдорскія пѣсни, о которыхъ обдоряне говорятъ, что и самые старые старики не помнятъ, когда онѣ возникли или принесены и которыя должно быть были занесены первоначальными завоевателями Обдорскаго края.

Всѣ обдорскіе напѣвы отличаются однимъ общимъ колоритомъ: это—напѣвы очень опредѣленные, простые, ясные. Музыкальная фразировка простая и законченная, мотивъ всегда отчетливо выраженъ и почти всегда очень музыкаленъ. О простотѣ напѣвовъ можно судить по тому, что проф. В. В. Эвальдъ, который записалъ съ моего голоса 24 напѣва, успѣлъ выполнить эту работу въ какихъ нибудь 3 часа, записавъ напѣвы съ абсолютною точностью, настолько, что по предлагаемымъ нотамъ можно вполнѣ, со всѣми отбѣсками воспроизвести любой мотивъ.

Огромную разницу и замѣтилъ между пѣснями обдорскими и архангельскими-поморскими. Это кажется страннымъ: вѣдь и обдоряне, и поморы живутъ на крайнемъ Сѣверѣ и среди сходной природы. Очевидно, тотъ отрядъ войска Ермака и его преемниковъ, который проникъ на Тобольскій сѣверъ, состоялъ изъ жителей не изъ Сѣвера Россіи. Судя по текстамъ обдорскихъ пѣсенъ—наиболѣе близкіе варианты встрѣчаются въ Оренбургской губерніи—родитѣ янскихъ казаковъ. Не отсюда ли пришли и первоначальные завоеватели Березовскаго и Обдорскаго края? Съ другой стороны, сравнительно довольно много сходныхъ вариантовъ есть и въ Пермской, Вятской и Вологодской губ. и,—что всего удивительнѣе—изъ Исковской, при чемъ варианты послѣдней губерніи—

очень старинные, которые теперь тамъ совершенно не поются. Это касается словъ *пѣсень*. Что касается *пѣльвовъ*, то, къ сожалѣнію, я совершенно не знаю, на какие мотивы поются данные пѣсни въ губер.: Оренбургской, Пермской и др. Только могу предположить, на основаніи тождественности стихотворнаго размѣра и очень большого сходства словъ,—что, по крайней мѣрѣ, оренбургскіе пѣльвовы могутъ быть тѣ же, что и обдорскіе.

Обдорскія пѣсни школьн. образомъ нельзя причислить къ первой группѣ—протяжныхъ, съ неопредѣленнымъ пѣльвомъ (*архангельскія*), типъ которыхъ наоборотъ могутъ считаться пѣсни Архангельской и Олонецкой губ. Нельзя вносить причислить ихъ и ко второй группѣ (*классическія* русскія народныя пѣсни), т. е. къ протяжнымъ съ опредѣленнымъ пѣльвомъ, т. к. именно протяжностью-то и имѣтъ въ обдорскихъ пѣльвахъ. О третьей группѣ (*романсы*), конечно, и говорить нечего: обдорскія пѣсни для этого слишкомъ старинны. Пѣсни первыхъ трехъ группъ (въ протяжныя) даже плохо усваиваются обдорянами: этотъ родъ пѣльвовъ, очевидно, чуждъ обдорскому уху.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ выше группъ ихъ скорѣе всего можно причислять къ такъ называемымъ дѣтскимъ пѣснямъ—но простотѣ и мелодичности мотива. Характеръ пѣльвовъ обдорскихъ пѣсень напоминаетъ тѣ игровыя и др. русскія пѣсни, которыя теперь вошли въ дѣтскій и отчасти школьный репертуаръ (по многихъ земскихъ школахъ): „Какъ по морю, морю сплелу шлыла лебедь съ лебедятами“, „Ужъ ми прого сѣяли, сѣяли“, „Какъ у нашихъ у ворота“, „Ахъ въ, сѣни мои, сѣни“ и т. п.

Поэтому обдорскія пѣсни можно бы съ успѣхомъ рекомендовать для дѣтскихъ сборниковъ, для школьнаго хорового пѣнія и т. п.

Обдорскія свадебныя пѣсни очень удобны для введенія ихъ въ качествѣ музыкальных номеровъ въ различныя бытвыя и историческія театральныя пьесы. Обдорскія пѣсни могутъ также исполняться въ разныхъ концертныхъ хорахъ (вродѣ Славянскаго, Архангельскаго). Онѣ очень легко разучиваются, ихъ красота сразу легко воспринимается слушателями, вообще, эти пѣсни относятся до извѣстной степени къ жанру легкой музыки, а потому и исполненіе ихъ не требуетъ такой спеціальной подготовки и особаго умѣнья, каковыя необходимы для какихъ-нибудь архангельскихъ пѣсень съ ихъ сложными и запутанными переливами и подхватами. Въ „Вѣдностъ не пороки“—Островскаго, между прочимъ, есть одно величаніе, очень напоминающее приводимую мною за № 21 свадебную пѣсню. Зато въ извѣстной пьесѣ „Русская свадьба“ имѣтъ ни одной пѣсни съ обдорскими пѣльвами, хотя нѣкоторыя были бы тамъ вполнѣ у мѣста, особенно №№: 14, 15, 16 и 20.

Если примѣнить къ характеристикѣ пѣльвовъ то, что говоритъ Нитше о Діонисовскомъ и Аполлоновскомъ началѣ, то я бы сказалъ, что, напр., пѣсни Архангельской и Олонецкой губ. выражаютъ Діонисовское начало: въ нихъ чувствуется какая-то смутная тоска, неопредѣленная стремленія, неосознанная глубина смущеннаго и тоскующаго духа. Наоборотъ—въ обдорскихъ пѣльвахъ—простыхъ, кристаллючистыхъ и ясныхъ—слышится Аполлоновское начало ясности, опредѣленности, гармоніи, душевнаго равновѣсія.

Вообще, изъ перечисленныхъ мною группъ можно отнести къ Діонисовскому началу: первую группу (пѣльвы архангельскія), третью (романсы). Сюда же надо отнести и частушки, т. к. въ нихъ ясно слы-

шится несомнѣнный надрывъ. Частушки ужъ по тому одному надо отнести къ Дюписовскому началу, что это пѣсни переходнаго времени: пѣсни, указывающія на какой-то кризисъ, переломъ въ области духовной жизни народа. Къ Аполлоновскому началу можно отнести: вторую группу (классическую)—отчасти, четвертую, пятую, шестую.

Два слова о языкѣ обдорскихъ пѣсенъ: обдорские поютъ пѣсни безъ всякаго цоканья и сюсюканья, которое въ обыденномъ разговорѣ замѣчается у нѣкоторыхъ въ Обдорскѣ. Поэтому, если не считать сильнаго сѣвернаго оканья, мы не встрѣчаемъ въ словахъ обдорскихъ пѣсенъ какихъ либо фонетическихъ особенностей. Языкъ пѣсенъ довольно правильный,—въ немъ такъ мало провинциализмовъ, что, записывая слова, я боялся, не подумали бы, что я записываю не такъ, какъ онѣ поются (не фонетически). Стихотворный размѣръ тоже почти вездѣ хорошо выдержанъ. Вообще, по сравнению съ другими народными пѣснями—обдорскія довольно литературны.

Изъ обдорскихъ пѣсенъ я привожу только тѣ, которыя или вовсе не были записаны или записаны въ другихъ вариантахъ. Сличеніе съ вариантами я дѣлалъ по известному сборнику Шойнъ: „Великороссъ въ его пѣсняхъ, обрядахъ и проч.“. Этотъ сборникъ и вообще наиболее полный (кромѣ сборника Соболевскаго), а относительно пѣсенъ обрядовыхъ и свадебныхъ (каковыя почти исключительно я записывалъ въ Обдорскѣ) безусловно самый полный—(всего 2564 пѣсни). Слова 2—3 пѣсенъ, къ сожалѣнію, мною утрачены, но я все же помѣстивъ поты къ нимъ, считалъ гораздо болѣе цѣннымъ матеріаломъ—панѣвы, чѣмъ слова. Изъ 24 приводимыхъ мною пѣсенъ—шесть (№№: 3, 7, 11, 16, 17, 19) сохранилъ пѣтъ у Шейна, остальные встрѣчаются въ различныхъ вариантахъ, при чемъ я отмѣчалъ—въ какихъ именно губерніяхъ. Кромѣ приводимыхъ, въ Обдорскѣ поются на правахъ своихъ, старинныхъ и многія другія—общезвѣстныя, напр.: „Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни“, „Во музяхъ“, „Какъ по морю, морю сиисему“, „Во саду ли, въ огородѣ“, „А мы просо сѣзали“, „Цвѣтики, цвѣтики алы, голубы“, „Уточка полевая“ и ми. др., относящіяся къ тому же разряду дѣтскихъ пѣсенъ, или вѣрнѣе, ставшихъ теперь дѣтскими. Отмѣчу, между прочимъ, что въ Обдорскѣ совершенно неизвѣстенъ одинъ изъ лучшихъ перловъ нашего пѣсеннаго творчества: „Ужъ я золото хорошу“.

Что касается записанныхъ панѣвовъ, то, сказать навѣрное, что приводимые мною нигдѣ не были записаны, я не могу, за недостаточнымъ знакомствомъ съ пѣсенной литературой. Могу только сказать, что въ сборникѣ Дютиша и Истомина „Пѣсни Архангельской и Олонецкой губ.“, а также въ приложеніи къ сборнику Шейна и въ разныхъ другихъ болѣе мелкихъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ, а также дѣтскихъ пѣтъ ни одного изъ предлагаемыхъ панѣвовъ. И самому не приходилось слышать ихъ въ другихъ мѣстностяхъ.

1) *Игровыя.*

- 1) Отворяйтеся, широкія ворота,
Ужъ я сяду на добра коня, поѣду.
И поѣду въ Китай-городъ гуляти,
Молодой женѣ подарокъ покупати:
Саму, саму преотличную шолку.
Я положу на серебряно блюдо,
Подойду я къ молодой женѣ поближе,

Поклошось я молодой жепѣ пониже—

Ну, и на бери, жена, не гордися,

Душа-сердце мое, не чувалься.

(Дѣвушка, изображающая жену, отталкиваетъ подносимый ей подарокъ).

„Посмотрите-ка, добрые люди,

Какъ жена-то меня молодца не любитъ,

Она всѣмъ сердцемъ ненавидитъ“.

Отворяйтеся, широкія ворота и т. д.

(повторяются 4 первые строки).

Саму, саму претяжную плетку

Я положу на серебряно блюдо

(повторяются слѣдующія 4 строки).

„Посмотрите-ка, добрые люди,

Какъ жена-то меня молодца любитъ,

Она всѣмъ сердцемъ приголубитъ,

Приголубитъ жена, поцалуетъ“.

(Играющіе цѣлуются. Каждая строка поется 2 раза). У Шейпа („Великороссѣ“) есть два варианта этой пѣсни: за № 464 изъ Вологодской губ. и за № 1215—изъ Пермской губ. Слова обоихъ вариантовъ довольно сильно рознятся отъ Обдорскаго.

2) Ходятъ царь-царевичъ

Да царевъ сынъ,

Сынь да царевъ, сынъ да царевъ.

Еще ищетъ царь царевну

Да царевъ сынъ,

Сынь да царевъ, сынъ да царевъ.

(Играющіе ходятъ одинъ за другимъ вокругъ хоровода, царевичъ ищетъ царевну, наконецъ находитъ ее и опицѣлуются; остальные слова пѣсни мною утрачены). Варианты въ сборникѣ Шейпа за №№: 1056, 1057 и 1062 изъ Тверской, Псковской и Витекой губ. Самболѣ близкій къ Обдорскому—Исковской губ.

3) Ходитъ царь, да ходитъ царь

Вкругъ Нова-города, икругъ Нова-широка.

Ищетъ царь, да ищетъ царь

Царь царевну свою, да королевну свою.

(Игра при этой пѣснѣ такая же, какъ и въ предыдущей). Слова этой пѣсни почти тождественны съ вариантомъ, приведенномъ въ вышеуказанномъ сборникѣ Шейпа подъ № 1059, записанномъ въ Пермской губерніи.

4) Въ хороводъ выходятъ трое: одинъ кавалеръ и двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна держитъ шанку, а другая—трость. Одна изъ дѣвушекъ загѣваетъ:

„Пошла наша черемха

„Изъ города въ деревню.

(Хоръ поетъ припѣвъ послѣ каждой строфы)

„Да дѣва ай люли, да радость моя“.

„Что крестьянину па пашню,

„Крестьянѣ въ избушку.

„Да дѣва, ай люли и проч.

(подходить къ одному изъ играющихъ, изображающему крестьянина):

„Ты позволъ намъ, хозяйшка,

„Здѣсь расположитися

„Со всею семьей.

„Еще на шапку-то на спичку,

(при этомъ вѣщаетъ шапку на гвоздь)

„Еще тростку-то на лавку

„А повозникъ-отъ подъ лавку

(изображающій повозника остается)

„Не пора-ли собираться,

„Со хозяиномъ прощаться.

„Еще гдѣ-то моя шапка?

(играющая подходитъ къ хозяину, который подаетъ шапку).

„Это шапка-то не паша,

„У насъ была шапка:

„Околъ соболиный,

„А верхъ бархатный.

„Если хошь меня ограбить,

„Прикину я тебѣ.

(бросаетъ „хозяину“ шапку).

„Еще гдѣ-то моя тростка?

„Это тростка-то не наша,

„У насъ была тростка

„Бѣла камышева,

„Кольцо золотое.

(бросаетъ хозяину трость).

„Если хошь меня ограбить,

„Прикину я тебѣ.

„Еще гдѣ-то мой повозникъ?

„Это повозникъ-отъ не нашъ, вѣдь,

„У насъ былъ повозникъ

„Вѣлый, кудреватый.

(растрепываетъ повознику шевелюру).

„Холость, не женатый.

„Если хошь меня ограбить,

„Прикину я тебѣ“.

(толкаетъ повозника къ хозяину).

Потомъ опять поютъ: „не пора-ли собираться и проч., опять подходятъ къ хозяину и спрашиваютъ шапку, тростку и повозника. Во второй разъ все оказывается „нашимъ“, и игра кончается.

5) Сидитъ писарь, сидитъ писарь

Въ государевой конторѣ“

Принѣвъ: Лебедичъ, мой лебедичъ,

Лебедушка бѣлая.

(Слова утрачены).

6) Скажи, душа, скажи, свѣтъ:

Скажи, любишь или нѣтъ?

Принѣвъ: Ой тальянъ, ой люли

Скажи, любишь или нѣтъ.

Скажи, любишь или нѣтъ.

Я любить не люблю,
Отказаться не могу.
Ой тальянъ и т. д.
Отказаться не могу—
Поцалую, да уйду.
Мы шампанское выпьемъ,
Бокаль разобьемъ.
Мы бокаль разобьемъ,
(съ милонькинъ гулять пойдёмъ.

- 7) Какъ по мосту, по мосточку
По калинову лѣсочку.
Туть и шли прошли дѣвицы,
Три названныя сестрицы,
Во рукахъ-то фопарѣчки,
Въ фопарочкахъ уголочки.
Уголочекъ оброшили,
Калинъ мостикъ загорался.
Загорался, зажжчался.
У старого сердце ноеть,
Сердце ноеть, запываетъ
По душѣ красной дѣвицѣ,
По названной по сестрицѣ.
- 8) Шелковая ниточка къ стѣнѣкъ жметъ—
Молодецъ у дѣвицы ручку жметъ,
Жметъ ножимасть, высираивасть:
„Скажи, скажи, дѣвица, кто тебѣ милъ?“
„Милъ мнѣ милешенекъ батюшка!“
Это-же, дѣвица, неправда твоя,
Это-же, красавица, не истинная.
Шелковая ниточка и т. д.
Мила мнѣ, милешенька, матушка.
Это-же дѣвица неправда твоя и т. д.
Милъ мнѣ милешенекъ ты, господишь!
Это-же дѣвица правда твоя,
Это-же, красавица, истинная.

У Шейна приведены четыре варианта, наиболѣе близкій—за № 1506—Вологодской губернии, причемъ и стихъ такоюже размѣра, изъ чего можно заключить, что, вѣроятно, и нагѣвъ тотъже или очень похожий. Остальные 3 варианта за №№: 1742, 1950 и 2362, изъ Новгородской, Тульской и Симбирской губ. менѣе похожи, и стихъ другого размѣра.

- 9) Ты, заря-ли моя зоренька,
Ты, заря моя вечерняя!
Вечерь млада разыгралася,
Розыгралася, расплясалася.
Свекоръ—батька у воротъ стоитъ.
У воротъ стоитъ, меня домой зоветъ.
Я пейду, пейду, не слушаюся;
У насъ игбени недоигбтыя,
У насъ игры недоигранныя.
Ты, зари-ли моя, зоренька, и т. д.

Молодой мужъ у воротъ стоять,
 У воротъ стоять, меня домою зоветъ.
 Я пойду, пойду послушаюся:
 У насъ игры всѣ дончанскія,
 У насъ пѣсни всѣ догѣтыя.

У Шейна три варианта: за № 453, 454, 455. Курской, Орловской и Пермской губ., послѣдній наиболѣе близкій).

- 10) Какъ во полѣ. было въ полѣ,
 Въ широкомъ раздолѣѣ
 Какъ подъ старой подъ ракитой
 Гусарикъ убитый.
 Онъ убитый, не убитый,
 Тафтою прикрытый.
 Киссей закрытый.
 Подходили ко гусару
 Молоды дѣвицы.
 Онъ тафту открывали
 Лице признавали,
 Они лице признавали,
 Въ уста цѣловали.

Отдаленный вариантъ этой пѣсни у Шейна за № 1259 изъ Владимирской губ., Муромскаго уѣзда.

11) Заишка.

Словъ этой пѣсни не привожу, т. к. почти тождественный вариантъ есть у Шейна за № 350 изъ Вятской губ. Кроме того, тамъ-же еще 4 варианта, менѣе близкіе за №№: 348, 349, 351 и 352 изъ Туль; Повгородской губ., Крестецкаго уѣзда; Орловск. губ., Елецкаго у.; Тульской губ. Вѣл., у.

- 12) Научи ты меня, мати,
 Научи-ко, сударыня.
 Какъ лепочекъ мнѣ сажати,
 Пригѣвь: Эдакъ, дочи, эдакъ, дочи,
 Эдакъ бѣленькій лепочекъ;
 Сердцу радость зеленочекъ.
 Научи ка меня, мати и проч.
 Какъ лепочекъ мнѣ полоти.
 Пригѣвь: Эдакъ, дочи, эдакъ, дочи, и проч.

Въ дальнѣйшемъ исполненіи пѣсни воспроизводится всѣ послѣдующія операціи со льномъ: какъ лепочекъ мнѣ таскати, моштити, сушити и, наконецъ: „какъ рубашечку мнѣ шити“. Вариантовъ этой пѣсни у Шейна нѣтъ, хотя она посомѣнно занесена въ Обдорскъ изъ такнхъ мѣстъ, гдѣ населеніе занимается льномъ, чего въ Обдорскѣ, конечно, нѣтъ: тамъ и не видали никогда, какъ онъ растетъ. Кроме этой пѣсни въ Обдорскѣ поютъ еще другую—общезвѣстную пѣсню о льнѣ: „Ужь я сѣяла, сѣяла лепочъ, ужъ я сѣя приговаривала, чеботами приколочивала“—напѣвъ въ Обдорскѣ тотъ, что и по всей Россіи! и игра та же.

- 13) Сидитъ дрѣма,
 Сидитъ дрѣма на диванѣ.
 Сидитъ дрѣма,

Самъ онъ дремлетъ,
 Пора дремушкѣ проснуться—
 Взгляни, дрема, по пароду.
 Берн, дрема, кого любишь,
 Сади, дрема, съ собой рядомъ.
 Цѣлуй, дрема, сколько хочешь.

Каждая строка повторяется 2 раза. Имена эта сравнительно недавно, въ 70-хъ годахъ, занесена изъ с. Самаровскаго Тобольской губ.

II. Сказбыныя.

- 14) Кремъ (?) деревцо, кремъ деревцо пошатнулося,
 Вѣточка, вѣточка обломилася
 Ягодка, ягодка покатилося.
 Крылья лѣса, крыла лѣса алимъ бархатомъ,
 По полю катилася, по полю катилася жемчужиною.
 Къ морю подошла, къ морю подошла сѣрой утицею.
 По берегу шла, по берегу шла красной дѣвицею.
 Красной дѣвицею—свѣтъ Авдотьей Ивановной.
 По морю корабли, по морю корабли плывуть.
 Чьи корабли, чьи корабли—свѣкра батюшки.
 Свекра батюшки—свѣтъ (имя будущаго свекра невѣсты),
 Чьи корабли, чьи корабли—свекровь матушки.
 Свекровь матушки—свѣтъ—(имя будущей свекрови).

- 15) Увивается ласточка,
 Да увивается косатая
 Вкругъ своихъ малыхъ дѣтушекъ.
 Да кукушечекъ.
 Увивается Дунюшка
 Свѣтъ Ивановна
 Вкругъ родимаго своо батюшки
 Да и матушки.

(Дальнѣйшія слова мною утрачены).

- 16) Какъ во столопомъ Новомъ-городѣ,
 Во столовой новой горлицѣ
 Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ столъ,
 За столомъ сидѣлъ-отъ молодецъ,
 Онъ чесалъ-то кудри русыя
 Черепановой гребеночкой.
 Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:
 „Приходи, моя боярышня,
 Ты катись, груша зеленая.
 Прилетай-ко, моя ласточка,
 Проблести, искра алмазная!“
 Не успѣлъ рѣчи закончить онъ,
 Какъ вдругъ двери растворилися,
 На пятѣ остановилися.
 Какъ отвѣтъ держать дѣвица,
 Отвѣчаетъ свѣтъ (имя и отчество невѣсты):
 „—Если-бъ я была боярышня,
 Я ходила-бы со мамками.
 Если-бъ я—груша зеленая,

Я-бъ висѣла въ зеленомъ саду,
 Въ зеленомъ саду у баюшки,
 Если-бъ я то была ласточка,
 Я-бъ летала въ синемъ небѣ.
 Если-бъ я—искра алмазная,
 Я-бъ блистала въ золотомъ перстнѣ,
 Въ золотомъ перстнѣ у молодца
 У Ивана свѣтъ Пвановича.

Вариантъ у Шейна за № 1503, очень, впрочемъ, отдаленный: „Въ Книгѣ было городѣ“, записанъ въ Вологодской губ.

- 17) Вынадала порошенька
 На землю, землю талую,
 Что по той, по порошенькѣ
 Выбѣгаль сѣрый заюшка,
 А за заюшкой лисанька,
 А за лисанькой добрый конь,
 На добрѣ то конѣ молодецъ,
 Оплъ тугой-отъ лукъ натягиваль,
 Калену стрѣлу накладываль,
 Самъ-отъ стрѣлкѣ приговариваль:
 Ты лети-ка, мой стрѣленька,
 Выше лѣсу стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Высоко по поднебесью,
 Далеко по сырой землѣ.
 Ты подстрѣль, подстрѣль заюшку
 Что подъ правую подъ лѣзущу.
 Увидала его мамонька изъ высокаго терема,
 Изъ высокаго терема,
 Изъ косицата окошечка,
 Изъ пѣмецкаго стеколышка.
 Исполать тебѣ (имя жениха),
 Исполать тебѣ (отчество).
 Ты умѣль хороше родитися,
 Хорошо снарядитися
 Предъ князьями-боярами,
 Предъ своей меньшей братіей.
- 18) Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, сѣпичкамъ.
 По частямъ-ли переходичкамъ
 Тутъ ходила выгуливала
 Дорога наша боярыня
 Свѣтъ— (имя и отчество величаемой гостыи)
 Она будила выбуживала
 Своего-то друга милаго,
 Своего друга любезнаго
 Свѣтъ (имя и отчество мужа величаемой гостыи)
 Встань, проснися, пробудися, мой другъ!
 Ночью спился мнѣ-ка страшный сонъ:
 Какъ бѣда-то немилучая:
 Огорвался нашъ добрый конь
 Отъ столба, столба дубоваго,

Отъ кольца, кольца серебрянаго
 Что витого позолоченнаго!
 Онъ ворвался во зеленый садъ,
 Весь зеленый садъ повытопталъ
 Со калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодой смородиною,
 Со наливными яблочками!⁴
 Отвѣчасть ея вѣрный другъ:
 — Ты не плачь, моя умная,
 Не взрыдай, моя разумная.
 Можетъ, можетъ Богъ помиловать,
 Государь-отъ царь пожалуетъ,
 Паживемъ съ тобой зеленый садъ,
 Садъ съ калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодой смородиною,
 Со наливными яблочками!⁴

У Шейна записаны 4 варианта этой пѣсни за №№: 1763, 1837, 2315 и 2429 изъ г. Пскова, Рязанской, Нижегородской и Оренбургской губ. Варианты Рязанской и Нижегородской губ. значительно короче и не очень сходные, но два другихъ: Псковскій и Оренбургскій очень сходные, съ небольшими лишь отклоненіями.

- 19) Какъ по рѣчкѣ рѣкѣ (2 раза)
 Какъ суденце, суденце плыветъ,
 Корабельная шлюпочка.
 Какъ во судиѣ-то томъ
 Удалой добрый молодець
 Свѣтъ по имени, по отчеству
 (Имя величаемаго гостя).
 Да какъ бережкомъ шла,
 Дорога его боярыня (Имя и отчество его жены).
 — „Я тебѣ радость скажу
 И веселье великое,
 Я тебѣ сына рожу,
 Сына яснаго сокола
 Свѣтъ по имени, да по отчеству
 (Имя сына).
 Я тебѣ дочку рожу,
 Дочку—бѣлую лебедушку—
 (Имя дочери).

(Каждая строка повторяется два раза).

20. Плавала чарочка въ сладкомъ меду,
 Въ сладкомъ меду, въ сладкой патоцкѣ,
 Никто за чару не возметъ!
 Вялся, принялся смѣлой человекъ,
 Смѣлой человекъ, удалой молодець
 Свѣтъ (Имя и отчество величаемаго гостя).
 Самъ сливалъ, да жецѣ подносилъ:
 Кушай, жена, кушай, барыня моя.
 Роди ты сына во меня, во меня
 (Имя сына).

Роди ты дочку во себя, во себя
(Имя дочери величасьихъ гостей).

У Шейна довольно близкій вариантъ за № 1163 изъ Котельничск. уѣзда—Вятской губ., и еще нѣкоторое сходство есть въ свадебн. пѣснѣ за № 2287 изъ Нижегородской губернии.

21. Кто у насъ хороший,
Да кто у насъ пригожій?
Розань, мой розань,
Да виноградъ зеленый

(Этотъ припѣвъ поется послѣ каждого двустишія).

Свѣтъ Иванъ хороший
Ивановичъ пригожій
По горницѣ ходить,
Памѣрно *) ступаетъ,
На крыльцо выходить,
Конь къ нему подходитъ.
На коня садится—
Конь подъ нимъ бодрится.
Плеточкой онъ машетъ,
Конь подъ нимъ-отъ пляшетъ,
Къ лугамъ подѣзжаетъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ,
Къ морю подѣзжаетъ,
Море колыхаетъ,
Къ дому подѣзжаетъ,
Матупика встрѣчаетъ
Сыномъ называетъ.
Въ горницу вводила,
На диванъ садила,
Дѣвицей дарила:
Вотъ тебѣ невѣста,
Вотъ тебѣ хороша.

Очень близкіе почти тождественныіі варианты, съ тѣмъ-же припѣвомъ у Шейна за № 2410 изъ Оренбургской губернии, Другіе варианты за №№: 1730, 1989 и 2309, записанные въ Новгородской, Смоленской и Нижегородской губ.—менѣе близки.

22. Еще было те во нынѣшнемъ году—
Уродился виноградъ во саду.
Добрый молодецъ гулялъ во саду.
Онъ срываетъ цвѣты на ходу.
Самъ цвѣточку любитъся,
Красотѣ своей дивуется:
Лицо было, какъ бѣлый снѣгъ,
Щеки алы, какъ маковъ цвѣтъ,
Очи ясны, ясныи сокола,
Брови черны, черныи соболя.
Ужь какъ былъ я въ Петербургѣ и Москвѣ
Да не нашелъ невѣсты по себѣ.
Еще нынѣчо я получше спаряжусь,
Пойду въ церкву, пойду Богу помолюсь.

*) Въ вариантахъ у Шейна „манерно“

Ты пошла мнѣ невѣсту богатую,
Да со многою приданюю.

Очень близкій вариантъ у Шейна за № 1572 записанъ въ Вятской губ.

III. Любовная.

№ 23. Пѣсня объ отравительницѣ.

Я ходила и гуляла въ чистомъ полѣ далеко,
Ужъ я рыла и копала зло коренье глубоко.
Ужъ я мыла, вымывала чисто на чисто его.
Я сушила зло коренье сухо на сухо его.
Сподоблю я зло коренье меду, патокой его,
Позову я друга нѣ гости, стану подчинять его.
Посажу я на кроватку, стану спрашивать его:
— „Каково, то другъ любезный, на сердечкѣ на твоємъ?
— „На моемъ то на сердечкѣ, на моемъ то на ретивомъ.
Ровно камушекъ лежитъ.
Подъ моей то грудью бѣлой, ровно лютый змѣй шипитъ.
Ты съумѣла, раскапалъ, упить и угостить.
Такъ съумѣй же, расканалъ,
Мое тѣло схоронить.
Схорони ты мое тѣло, схорони ты мое бѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской большой.

Пѣсня эта вообще не принадлежитъ къ числу популярныхъ и поется не часто. Но она распространена почти по всей Россіи во многихъ вариантахъ. Такъ у Шейна приведено за №№ 822--829—восемь вариантовъ записанныхъ въ губерніяхъ: Тверской, Костромской, Тульской, Вологодской и Рязанской. Приведенный обдорскій вариантъ всего ближе подходит къ записанному Шейномъ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Навѣвъ пѣсни очень характерны: онѣ имѣютъ какой-то мрачный, злобный колоритъ, вполне соответствующій трагическому содержанию словъ.

IV. Шуточная.

№ 24. Задумала меня матушка
Выдать за Иванушка.
Нейду, нейду, мамонька,
Нейду, не подумаю:
У Ивана въ саду яма—
Завсегда я буду тамо.
Задумала меня матушка
Выдать за Степанушка:
Нейду, нейду, мамонька,
Нейду, не подумаю.
У Степана три стакана—
Завсегда я буду пьяна.
Задумала меня матушка
Выдать за Филинушка.

Пейду, пойду, мамонька,
 Пейду, не подумаю:
 У Филиппа въ саду лина—
 Завсегда я буду бита.

Почти тождественный вариантъ у Шейна за № 581, записанный въ Тульской губернии.

В. В. Бартевевъ.

По поводу статьи „Морта“: Родственны ли зыряне японцамъ.

Въ № 18 „Извѣстій Арх. О-ва изуч. Рус. Сѣвера“ за текущій 1914 г. помѣщена статейка „Морта“—Родственны ли зыряне японцамъ.

Въ означенной статейкѣ „Мортъ“ (псевдонимъ, настоящую свою фамилию Мортъ не рѣшился назвать), ссылаясь на русско-зырянскій словарь извѣстнаго „зырянолога“ А. А. Цембера, т. е. на меня, говорить, что рукавица по-зырянски „копысь“. Мортъ не упоминаетъ, что русско-зырянскій словарь мной составленъ одного вычегодскаго говора, что зырянскихъ говоровъ, имѣющихъ болѣе или менѣе значительныя различія, нѣсколько: вычегодскій, сысольскій, лузскій, ижемекій, удорскій.

На лузскомъ говорѣ рукавица по-зырянски „тепысь“, а рука—„ти“ (см. книжку „Колі мойдал кывь-яс“, изд. 1913 года, сказку „Чоя—вока“), т. е. почти такъ же, какъ и по-японски „те“.

Мортъ пишетъ: „Я незнакомъ съ японскимъ нарѣчьемъ, но я хорошо знаю зырянскій языкъ“. Я убѣжденъ, что Мортъ не знаетъ—и зырянскаго языка, ни его грамматики, въ особенности той части, которая называется фонетикой. Знаетъ онъ одинъ говоръ зырянскаго языка вычегодскій, наименѣе сохранившійся и половинно обрусѣвшій, по этому еще ему недостаточно, чтобы съ такимъ аллобомомъ критиковать статью знаменитаго зырянина К. О. Жакова о близости японскаго и зырянскаго языкомъ. Г. Жакову, какъ видно изъ его статьи „Въ Японіи“, извѣстны всѣ говоры зырянскаго языка, изучалъ онъ также пермяцкій и вотяцкій языки, родственные зырянскому.

Вопросъ о близости японскаго и финскаго языковъ не новый въ наукѣ. Въ половинѣ XIX вѣка венгерскіе ученые доказывали это въ положительномъ смыслѣ.

Норицать же форму изложенія, говорить о томъ, что статья Жакова не представляетъ изъ себя научнаго трактата, а полубеллетристическую статью, совершенно неосновательно. Я увѣренъ, что „Мортъ“ да и многіе другіе этого научнаго трактата и не прочитали бы, какъ, вѣроятно, не читали философскихъ трудовъ Жакова, изложенныхъ не „сантиментально“.

Ставить кавычки въ словѣ зырянологъ (извѣстнаго „зырянолога“ А. А. Цембера) тоже неумно. Что Мортъ находитъ предосудительнаго въ томъ, что я составляю словари, собираю зырянскія сказки.

По-моему, надо такихъ людей поощрять, а не высмѣивать.

Древнѣйшій языкъ Европы зырянскій (пра-финскій), давшій географическія названія значительной части рѣкъ и городовъ Евро-

пейской Россіи и отчасти Западной Европы (въ рѣки съ окончаніемъ на „ва“: Москва, Пена, Лозва, Зерва, Сала и т. д. слова зырянскія; „ва“ значитъ по зырянски вода, рѣка, а мѣ, нев, лѣз, зэр, са—признаки этой рѣки и значатъ: коровья, стрѣла, синья, дождевая, черная, какъ сажа), надо всѣми способами изучать, въ особенности зырянамъ.

Составитель русско-зырянскаго словаря, собиратель зырянскихъ сказокъ А. А. Цембергъ.

М. А. Засодимскій.

(Матеріалы для біографіи писателя П. В. Засодимскаго. *)

Дѣдъ писателя Павла Владиміровича Засодимскаго—Михаилъ Андреевичъ Засодимскій—родился въ 1747 году и происходилъ изъ церковно-служительскихъ дѣтей. Онъ окончилъ Вологодскую семинарію и затѣмъ былъ въ этой же семинаріи учителемъ философіи и богословія и одновременно обучалъ руссійскому, латинскому, нѣмецкому, французскому, греческому и еврейскому языкамъ и ариметикѣ. Въ 1782 году М. А. поступилъ секретаремъ въ Вологодскій губернскій магистратъ и принималъ участіе въ составленіи „историческаго, географическаго и топографическаго Вологодской губерніи описанія“. Въ 1797 г. онъ перешелъ секретаремъ въ архангельскую удѣльную экспедицію, но, очевидно, вслѣдствіе треній по службѣ, въ 1800 году онъ былъ уволенъ со службы безъ награжденія слѣдующимъ чиномъ. Черезъ два года, въ 1802 году, М. А. поступилъ столоначальникомъ въ Вологодскую Казенную Палату**), но и здѣсь онъ чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ.

*) Считаю своимъ приятнымъ долгомъ поблагодарить директора Вологодской Императора Александра I гимназіи П. Ф. Маркова, любезно разрѣшившаго мнѣ воспользоваться богатымъ архивомъ гимназіи.

**) *Примѣчаніе.* Копія съ послужнаго списка о коллежскомъ секретарѣ Засодимскомъ. Чинъ, имя, фамилія и должность имѣ отираемая и сколько отъ роду лѣтъ: Вологодской Казенной Палаты столоначальникъ коллежскій секретарь Михайло Андреевъ сынъ Засодимскій, 57 лѣтъ. Изъ какого знанія происходитъ. Изъ церковно-служительскихъ дѣтей. Сколько имѣетъ во владѣніи мужеска пола душъ людей и крестьянъ, въ которыхъ уѣздахъ и какихъ именно соелій: По имѣтѣ. Когда въ службу вступилъ и во оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ; также не было ли какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній и не были ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награжденъ и въ какое время: До вступленія въ статскую службу находился въ Вологодской семинаріи учителемъ философіи и богословія, гдѣ обучалъ руссійскому, латинскому, нѣмецкому, французскому, греческому и еврейскому языкамъ, и ариметикѣ, за что награжденъ чиномъ коллежскаго архиваріуса—779 г. мая 5. Овредѣленъ въ бывшій Вологодской губернской магистратъ секретаремъ—782 г. марта 19, а при томъ былъ при сочиненіи историческаго, географическаго и топографическаго Вологодской губерніи описанія и въ народномъ училищѣ учителемъ и инспекторомъ. Пронициональнымъ секретаремъ—783 г. авг. 19. Губернскимъ секретаремъ—786 г. февр. 13. Коллежскимъ секретаремъ—792 г. дек. 31. По уничтоженіи онаго въ архангельскую удѣльную экспедицію секретаремъ—797 г. въ октябрѣ. Въ сію палату столоначальникомъ—1802, апр. 23. Въ походѣхъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ или нѣтъ, и когда именно: Не бывалъ. Не былъ ли въ штрафахъ и подѣ судомъ, и если жъ былъ, то за что и чѣмъ дѣло кончено: Не бывалъ. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ: Достойнъ. Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина или безъ онаго и когда: Архангельской удѣльной экспедиціи изъ секретаря уволенъ 1800 года марта 26 дня безъ награжденія чина. Женатъ ли,

Въ это время (1802 г.) у него родился сынъ Владиміръ. Михаилъ Андреевичъ продолжалъ свои хлопоты о переводѣ на другое мѣсто, но пока что безрезультатно.

Первое десятилѣтіе XIX столѣтія дало Вологодской губерніи рядъ новооткрытыхъ уѣздныхъ училищъ; школы были открыты въ Тотмѣ, Великомѣ-Устюгѣ, Яренскѣ. Въ 1804 году было открыто уѣздное училище и въ самой Вологдѣ гдѣ до этого была только гимназія и семинарія. И вотъ М. А. рѣшилъ поступить смотрителемъ въ Вологодское уѣздное училище. Онъ подалъ прошеніе тогдашнему директору народныхъ училищъ (и, одновременно, директору гимназіи) Кириллу Станиславскому. Вотъ это интересное прошеніе, сохранившееся въ архивѣ гимназіи:

Ваше Высокоблагородіе!

Милостивый Государь!

По Высочайшей волѣ нашего Всемилостивѣйшаго Монарха, пекущагося о просвѣщеніи народномъ, предполагается и здѣсь быть уѣздному училищу, въ коемъ по штату назначено быть смотрителю. А какъ съ начала 35-лѣтняго моего отечеству служенія не малое время полагалъ и труду въ ученомъ сословіи; то и нынѣ желаю по старинной склонности моей продолжать служеніе мое при училищѣ смотрителемъ.— Известно же мнѣ, что сей губерніи народныхъ училищъ опредѣлены вы директоромъ и вамъ поручено избраніе людей для наполненія въ оныхъ назначенныхъ мѣсть; то и прошу васъ, Милостивый Государь, во оное смотрительское званіе меня принять и для того о увольненіи меня отъ нынѣшней должности, куда слѣдуетъ, сообщить, а о утвержденіи въ томъ званіи, кому надлежитъ, представить.

Вашего Высокоблагородія

Милостиваго Государя

Покорнѣйшій слуга

Вологодской Казенной Палаты Столовачальникъ

Коллежскій секретарь

Михайла Засодимскій.

Іюня 4 числа

1804 года.

Началась обычная канцелярская переписка. Наконецъ, М. А. Засодимскій былъ утвержденъ въ должности смотрителя уѣзднаго училища и вотъ какъ рапортуетъ затѣмъ по начальству директоръ народныхъ училищъ:

Его Превосходительству Господниу тайному совѣтнику сенатору, товарищу министра народнаго просвѣщенія, Московскаго учебнаго округа попечителю и кавалеру Михаилу Пикитичу Муравьеву

Вологодской губернской гимназіи директора Коллежскаго

совѣтника Кирилла Станиславскаго

Рапортъ.

Во исполненіе учиненнаго мнѣ училищнымъ комитетомъ сего года іюля 29 дня предписанія о введеніи утвержденного опытымъ комитетомъ мѣсть ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся: Жена коллежскаго секретаря изъ дочери Елизаветѣ Андреевнѣ; имѣютъ сына Владиміра 2-хъ лѣтъ, который находится при немъ.

(На подлинномъ подписано такъ): Вице-губернаторъ Андрей Торнеръ.

Съ подлиннымъ свѣрять директоръ училищъ Кириллъ Станиславскій.

Секретарь Авфимъ Вахрушевъ.

Истръ

съ одобренія общаго собранія г.г. профессоровъ представленнаго мною коллежскаго секретаря Засодимскаго въ должность смотрителя Вологодскаго уѣзднаго училища подлежащимъ порядкомъ чему имѣю Вашему Превосходительству донести, что по присылкѣ означеннаго Засодимскаго здѣшнимъ гражданскимъ губернаторомъ сего октября 13 дня въ должность по приведеніи къ присягѣ ввелъ; сверхъ того поручилъ ему въ гимназіи надѣ классами должность инспектора, о чемъ отъ меня и училищному комитету донесено.

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя

Покорившій слуга

Кирилль Станиславскій.

№ (перазборчивъ)

Октября—дня

1804 года.

Изъ этого рапорта видно, что М. А. одновременно съ должностью смотрителя уѣзднаго училища сталъ исполнять обязанности инспектора гимназій, тѣмъ болѣе, что училище помѣщалось въ нижнемъ этажѣ, а гимназія—во второмъ этажѣ одного и того же зданія, въ которомъ гимназія помѣщается и нынѣ. Въ этихъ обоихъ должностяхъ состоялъ М. А. до самой смерти. Умеръ онъ 74 лѣтъ, 23 августа 1821 года.

Вотъ донесеніе директора народныхъ училищъ училищному комитету о смерти М. А. Засодимскаго:

М. Д. Д.

Н. П.

Д. П. П.

Училищному Комитету Императорскаго Московскаго университета.

Отъ исправляющаго должность Вологодскихъ училищъ директора въ Вологдѣ 5 сентября 1821 г. № 327. О скончавшемся смотрителѣ Засодимскомъ.

Штатный смотритель здѣшняго Вологодскаго уѣзднаго училища подворный совѣтникъ Михайло Андреевичъ Засодимскій прошедшаго августа 23 числа по немалой временной болѣзни волею Божию скончался; о чемъ оному комитету симъ почтительнѣйше и доношу.

Въ архивѣ Вологодской гимназіи „дѣло Михайлы Засодимскаго“ включаетъ 24 листа.

В. А. Соловьевъ.

Замѣтка о задачахъ любителя-минералога на Сѣверѣ.

Проживая уже нѣсколько лѣтъ на нашемъ Сѣверѣ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ разнообразіи его минеральныхъ богатствъ, не говоря—обилии, т. к. это можетъ выясниться только будущее.

Тѣ небольшія коллекціи минераловъ, которыя хранятся въ Архангельскомъ городскомъ музеѣ, являются лишь слабымъ отблескомъ дѣйствительности, а еще вѣрнѣе, что онѣ, какъ случайно и безпорядочно *) понавшія въ музей, совершенно не даютъ цѣльнаго впечатлѣнія и ни

*) Въ разное время, отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстностей.

въ коемъ случаѣ не могутъ ясно охарактеризовать минеральную область хотя бы одного уголка нашего обширнаго, мало еще извѣднаго въ этомъ отношеніи Сѣвера. Правда, Ухта, Полая Земля, Шницбергены, а отчасти и Мурманъ обратили на себя взоры промышленниковъ, но все это тамъ, гдѣ-то слишкомъ далеко, чтобы вызвать живой интересъ въ центрахъ нашего Сѣвера.

А, вѣдь, въ мѣстахъ, гдѣ горная промышленность болѣе развита, люди, не щадя силъ и даже жизни, стремятся къ добычѣ полезныхъ ископаемыхъ, и въ этомъ—глубокій смыслъ: чудные, идеальные по формѣ кристаллы минераловъ, драгоценныя самородныя металлы, богатая руды, пока находится въ земной корѣ, неизбежно и постепенно терпятъ превращенія, участвуя въ общемъ круговоротѣ природы, и поэтому существованія ихъ тамъ подвержено массѣ случайностей, зависящихъ отъ геологическихъ, физическихъ и химическихъ процессовъ: по разѣ приходится видѣть исковерканный боковымъ давленіемъ и сросшійся уже калькой кристаллъ, а сколько ихъ растворяютъ подземныя воды, унося въ недоступныя пѣдра, и только нѣкоторый, сравнительно малый, процентъ попадаетъ въ руки людей, чтобы затѣмъ многіе и многіе годы прельщать своей вѣчно свѣжей, неузнаваемой красотой. Тѣмъ камни и хороши, что они не старятся: вѣка проходятъ мимо, а они блестятъ и сияютъ точно сейчасъ только созданные изъ свѣта и радуги.

Какъ послѣ этого любителю не цѣнить возможности залучить въ свое хранилище—коллекцію рѣдкій по красотѣ и формѣ минералъ. Вѣдь это не фабрикатъ, который выпускаютъ сотнями, а, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ экземпляръ, какого ни раньше, ни позже не встрѣтить. Относясь такъ къ окружающему минеральному царству, любитель самъ не замѣтитъ, какъ его коллекція, постепенно пополняясь, со временемъ разрастется въ большую, заключающую въ себѣ представителей чуть-ли не всѣхъ классовъ и группъ минераловъ.

А какая роскошь, какое наслажденіе имѣть подъ руками богатую, систематизированную коллекцію минераловъ: вглядываясь въ нихъ часто, подмѣчая характерныя ихъ черты, любитель невольно начинаетъ проникать въ тайны ихъ сущности и жизни, а любой петрографическій очеркъ поднимаетъ передъ нимъ и завѣсу возможнаго ихъ генезиса.

Изучая минералы какой-либо мѣстности, отыскивая причину зависимости ихъ совместнаго нахожденія, любитель невольно постигаетъ многое, что не сразу бросается въ глаза,—именно, геологическій и петрографическій характеръ этой мѣстности; а такое изученіе даетъ не только глубокое внутреннее удовлетвореніе, но приноситъ и несомнѣнную пользу въ смыслѣ общаго изученія богатствъ страны.

Пять Сѣверъ при его протяженіи на миллионы квадратныхъ верстъ всегда нуждался, нуждается и долго еще будетъ нуждаться въ подобномъ вниманіи любителей природы: постановка правильныхъ поисковъ и развѣдокъ дорога стоитъ, но работа любителя, который въ своемъ родномъ уголкѣ посвятитъ свободныя минуты изученію окружающаго его минеральнаго царства, не требуетъ никакихъ затратъ, а пользу можетъ принести большую, т. к. въ случаѣ цѣнныхъ находокъ, несомнѣнно, привлечетъ на себя вниманіе специалистовъ, которые сумѣютъ вызвать къ жизни мертвые пока богатства; вѣдь ухтинская нефть, уголь Шницбергена, мѣдныя руды Новой Зе-

или, свинцово-серебряныя и цинковыя руды Мурмана, старыя кемскія разработки вмѣстѣ съ красотой нашихъ гранатовъ, аметистовъ и разнообразіемъ осадочныхъ породъ и гранитовъ сами за себя говорятъ и бросаютъ вызовъ любителю; мало-ли таинственнаго хранятъ еще въ своихъ недрахъ далекіе Уралъ и Тиманъ, а размывы нашихъ могучихъ рѣкъ: Двины, Печоры, Мезени и Онеги развѣ не указываютъ намъ естественныя пути къ этимъ богатствамъ?

Стоитъ только вдуматься во все это, какъ невольно въ душѣ зарождается вѣра въ свѣтлое будущее горнаго дѣла на Сѣверѣ и желаніе потрудиться для него.

В. Я.

Критика и библиографія.

I.

Волода въ ея старинѣ. Книга Г. К. Лукомскаго.

„Сѣвернымъ Кружкомъ Любителей Изящныхъ Искусствъ“ недавно издана книга Г. К. Лукомскаго, содержащая въ себѣ описаніе памятниковъ художественной и архитектурной старины въ Вологдѣ. Задача автора и издателей книги состояла въ томъ, чтобы „напомнить о необходимости любви къ родной старинѣ не только „русскаго стиля“, но и позднѣйшихъ эпохъ“. Еще за годъ до изданія этой книги названный кружокъ организовалъ въ г. Вологдѣ чтеніе лекцій по исторіи архитектуры въ Россіи въ связи съ описаніемъ современнаго состоянія древней архитектуры. Эти лекціи, читанныя Г. К. Лукомскимъ, и послужили основаніемъ для настоящаго изданія. Но роль кружка не ограничилась только организаціей чтеній и изданіемъ книги о Вологодской старинѣ, ему принадлежить и значительная доля авторскаго труда, такъ какъ въ „теченіе лѣта 1913 года его членами было сдѣлано нѣсколько сотъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ мѣстной и окрестной старинны, собраны были историческія и библиографическія свѣдѣнія и съ особой тщательностью просмотрѣны за много лѣтъ Губернскія, Епархіальныя и Кліровыя Вѣдомости“. Изъ этого обширнаго матеріала въ обработкѣ г. Лукомскаго въ связи съ его лекціями создавалась прекрасная книга о вологодской старинѣ, богатая по содержанію и изящная по внѣшнему виду. Но, выполняя свою задачу, Вологодскій кружокъ тѣмъ самымъ содѣйствовалъ осуществленію основной мысли близкаго ему по идеѣ Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ Искусства и Старинны, отдѣленіемъ котораго онъ состоитъ. Такимъ образомъ, разсматриваемая книга получаетъ еще болѣе широкое значеніе, какъ идущая навстрѣчу народившемуся недавно интересу къ русской старинѣ, и свидѣтельствуетъ о просвѣтительной работѣ „Сѣвернаго Кружка“.

Книга г. Лукомскаго заключаетъ въ себѣ на 363 страницѣхъ научный текстъ съ иллюстраціями и подраздѣляется на слѣдующія статьи или главы: историческій очеркъ Вологды, художественный ея обликъ, обзоръ соборовъ и церквей, памятники гражданской архитектуры, строительство окрестностей Вологды, послѣ чего слѣдуютъ: Къ матеріаламъ

по исторіи Вологды" и въ концѣ книги на шести страницахъ перечень журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій о Вологдѣ.

Мы выписали наименованія статей, входящихъ въ книгу г. Лукомскаго, съ цѣлью показать наличность ея содержанія и тотъ охватъ мысли, которымъ характеризуется это художественно-научное сочиненіе. Но авторъ считаетъ свою книгу только „общимъ очеркомъ“ Вологды и готовъ признать свою цѣль достигнутой, „если чтеніе этой книги сможетъ вызвать желаніе болѣе подробнаго изученія Вологодской старины“. Подробность изученія чего-либо не есть ничто, точно измѣримое, и мы полагаемъ, что трудъ г. Лукомскаго во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ общій очеркъ.

Обзоръ историческихъ событій, относящихся къ Вологдѣ, авторъ начинаетъ съ XI столѣтія, т. е. со времени предполагаемаго основанія ея повгородцами, причемъ приводитъ существующія толкованія ея названія. Но съ наибольшою подробностью онъ останавливается на московскомъ періодѣ нашей исторіи и особенно на эпохѣ Іоанна Грознаго, отмѣчая частые пріѣзды этого Государя въ Вологду и мысль его сдѣлать ее стольнымъ городомъ. Въ историческое повѣствованіе съ лѣтописными выдержками авторъ, для оживленія разсказа, весьма кетати вноситъ народныя легенды и преданія, характерныя для личности Грознаго. Сюда же онъ внесъ цѣлкомъ народную пѣсню, созданную на сказаніи о томъ, какъ разгнѣванный государь „повелѣлъ раззорити“ только что отстроенную имъ церковь за то, что въ ней „лѣтцо, отгоричуясь отъ своду и пады, государю повреди голову“. Такъ обрекалась на разрушеніе церковь, которую царь хотѣлъ поставить во главѣ городскихъ храмовъ. Только „чрезъ цѣкоторое прощеніе“, замѣчаетъ лѣтописецъ, Грозный склонился на милость и отмѣнилъ свое приказаніе. Этотъ эпизодъ особенно умѣстень въ книгѣ г. Лукомскаго, такъ какъ упомянутому храму, нынѣ кафедральному собору, придается чрезвычайное архитектурное значеніе. Со смертью Іоанна Грознаго Вологда уже не привлекала къ себѣ прежняго вниманія русскаго общества и быстро клонилась на упадокъ. Такъ шла исторія ея до первой четверти XIX вѣка, когда въ тяжелую годину Отечественныя войны она стала хранительницей многихъ привезенныхъ въ нее московскихъ сокровищъ. Въ дальнѣйшіе годы девятнадцатаго вѣка Вологда, хотя медленно, прогрессируетъ: въ ней съ увеличеніемъ населенія начинается старательная застройка, которая ведется по опредѣленному плану, а въ жизнь ея вносятся культурныя начала.

Обращаясь къ Вологодской старинѣ въ ея архитектурныхъ памятникахъ, г. Лукомскій преимущественно и болѣе подробно разсматриваетъ сооруженія церковныя, которыя считаетъ самыми лучшими историческими портретами, какъ выраженіе типичной красоты, въ которой вылилось и религиозное и эстетическое чувство. Цѣнность этихъ старинныхъ сооружений особенно высока въ настоящее время, когда мы, „забывая старину, воздвигаемъ полныя кошмарнаго безвкусія новыя зданія“, что замѣчается столь же въ церковномъ, сколько и въ гражданскомъ строителствѣ. При разсмотрѣннн вологодскихъ церквей авторъ не придерживается хронологической послѣдовательности и ведетъ свое изложеніе въ порядкѣ формъ стилей, сначала русскаго, потомъ барокко и, наконецъ, ампира. Лучшимъ примѣромъ расцвѣта московскаго зодчества онъ признаетъ церковь свв. равноапостольныхъ царей Константина и Елены, а типичныя фрески ярославскаго письма отмѣчаетъ,

въ согласіи съ мнѣніемъ Игоря Грабаря, въ церкви Іоанна Предтечи, что въ Рожденьѣ. Но всего больше онъ обращаетъ вниманіе на Софійскій и Воскресенскій соборы. О стилѣ барокко Г. К. Лукомскій замѣчаетъ такъ: „собственно памятниковъ эпохи расцвѣта этого стиля (эпоха гр. В. В. Растрелли) въ Вологдѣ нѣтъ; барокко рѣшительно былъ вытѣсненъ новыми классическими формами, сразу поправившимися вологжанамъ“, а какъ на типичный видъ поздняго барокко, авторъ указываетъ на церковь Воскресенія Христова, что на Лыновомъ торгу. Формы же поздне-ампирнаго характера находятъ въ колокольныхъ Іоанно-Богословской, Срѣтенской и др. церквей.

(Страницы отъ 259 до 302 заняты обзоромъ памятниковъ гражданской архитектуры. Въ Вологдѣ ихъ немного; между ними первое мѣсто отведено почлешному дому, въ который обращено прежде частное жилище, можетъ быть, полуторатьковой древности. Авторъ глубоко сожалѣетъ объ участи этого памятника древняго строительства. „Вотъ какова, замѣчаетъ онъ, судьба этого имѣющаго видъ маленькаго дворца сооруженія! Хотѣлось бы видѣть въ стѣнахъ его музой, библіотеку, а не почлешный домъ и столовую, учрежденіе, такъ легко вызывающее возможность пожара, а слѣдовательно и порчи этого художественнаго образца гражданской архитектуры 1777 года“. Утерли свои характерныя черты древности и тотъ домикъ, который служилъ мѣстомъ остановокъ Петра Великаго во время его прїѣздовъ въ Вологду, и зданіе мужской гимназіи, сооруженное во второй половинѣ XVIII вѣка, и домъ, гдѣ нынѣ помѣщаются городскія учрежденія. По наряду съ этимъ въ книгѣ г. Лукомскаго отмѣчены и такіе дома, въ которыхъ можно видѣть старину по всей ея полнотѣ, таковы: Домъ Вологодскаго Дворянства съ прекрасно нарисованными нишами на угловомъ закругленіи, Скублинскій Домъ призрѣнія бѣдныхъ гражданъ, въ которомъ „обработка фасада представляетъ собою совершенно выдающійся образецъ богатства композиціи и нѣжности выполненія“, домъ бывш. Левашова и др.

Въ концѣ обзора общественныхъ зданій авторъ отвелъ нѣсколько строкъ вологодскому городскому театру. Но почему этому зданію, построенному въ 1873—1875 годахъ, дано мѣсто въ Вологодской старинѣ и чѣмъ оно, съ курьезнымъ пониманіемъ красоты его строителемъ, заслужило вниманіе художника? О немъ г. Лукомскій отзывается такъ: „въ общемъ своемъ обликѣ это деревянное зданіе съ наружными лѣстницами, со страшною рѣзьбою въ тимпалѣ фронтона напоминаетъ сѣверныя избы и лѣтъ черезъ 50, если оно уцѣлѣетъ, не будетъ ли оно правиться такъ, какъ теперь все правится, что возведено въ эпоху до-Николаевскую?“ Можетъ быть, не теперешній вологодскій театръ во всякомъ случаѣ не то, что соединяется съ представленіемъ о зданіи для театра.

Последнюю главу книги г. Лукомскаго составляетъ „Строительство окрестностей Вологды“. Сюда отнесены строенія въ помѣщичьихъ усадьбахъ, деревенскія избы съ ихъ богато украшенными рѣзьбой и росписью, балочниками и ставнями и, наконецъ, вѣтряныя мельницы, въ которыхъ есть своя архитектурная прелесть.

Изъ приведенной краткой передачи содержанія большой книги Г. К. Лукомскаго читатель можетъ замѣтить, насколько интересно новое сочиненіе о Вологодской старинѣ. Старая Вологда ожила въ словахъ любовно отнесшагося къ ней художника, полузабытая она встала передъ читателемъ въ своей древней, но еще не ветхой одеждѣ. Г. К. Лу-

комскій говорить о Вологдѣ, какъ вдохновенный поэтъ; онъ любитъ ея „очаровательными своєю живописностью уголками“, его захватываетъ видъ, который открывается съ высоты соборной колокольни, когда въ ясный день серебрятся на солнцѣ огромныя главы историческаго храма; онъ видитъ отсюда огибавшую сады лиловую ленту рѣки и далеко за городской чертой зеленые дуга. Иастроеніе автора передается читателю, который понимаетъ, что художественный обликъ Вологды создали прежде всего ея древности. Книга пропитана личнымъ, пережитымъ чувствомъ автора, и въ этомъ ея высокое достоинство.

„Сѣверный Кружокъ Любителей Изящныхъ Искусствъ“ своимъ заданіемъ добавилъ къ длинному перечню книгъ о Вологодской старинѣ новую прекрасную книгу, которая восполняетъ собою существовавшій пробѣлъ въ общемъ изложеніи истории русскаго стариннаго въ то время, когда уже обслѣдованы такіе города, какъ Ростовъ, Кострома, Пижинъ-Повгородъ, не говоря о Кіевѣ, Москвѣ и другихъ великихъ древнихъ городахъ. Это выступленіе названнаго Кружка еще разъ громко свидѣтельствуетъ о его просвѣтителной дѣятельности и энергичной работѣ его членовъ, которая, между прочимъ, сказала въ неоднократномъ устройствѣ въ Вологдѣ художественныхъ выставокъ и въ засѣданіяхъ, посвящаемыхъ научно-художественнымъ вопросамъ.

Н. Марновъ.

II.

Маслодѣльные артели въ Вологодской губерніи.

Большой вкладъ въ литературу по изслѣдованію народно-хозяйственной жизни, въ частности въ нашу бѣдную самостоятельными изслѣдованіями кооперативную литературу, сдѣлало Вологодское об-во сел. хоз., выпустивъ книгу „Маслодѣльные артели въ Вологодской губ.“ Ростъ артельного маслодѣлія на сѣверѣ, какъ одно изъ крупнѣйшихъ явленій кооперативной жизни Европейской Россіи, и полное отсутствіе матеріаловъ по изученію маслодѣльной кооперации ставили въ тупикъ кооператора и лицъ вообще интересующихся. Эта книга для насъ еще тѣмъ дороже, что явилась какъ результатъ обслѣдованія особой экзекендией по изученію маслодѣльныхъ артелей. Широкая программа обслѣдованія дала возможность сдѣлать вполнѣ опредѣленныя заключенія о вліяніи артелей на измѣненіе хозяйств. быта и экономическаго благосостоянія вологодскаго крестьянства, изучить организацию и управленіе артелей, бюджеты, обороты молочнаго производства и т. д. Изъ 13 главъ книги десять посвящены собственно анализу артельного хозяйства, двѣ—выясненію естественно-историческихъ условій развитія артелей маслод. Вологодской губ., одна—характеристика В. О. С. Х. и Ком. орд. при немъ, играющихъ огромную роль въ развитіи крестьян. маслодѣлія Вологодской губ.

Цѣна книги 2 р. 50 к., при выписываніи непосредственно со склада В. О. С. Х. скидка въ 10%. Въ 331 стр. текста, и 105 стр. приложений (19) съ крайне цѣннымъ, цифровымъ матеріаломъ, текстомъ уставовъ, обязательныхъ постановленій.

Остается пожелать самаго широкаго распространенія этой книги среди кооператоровъ и особенно практиковъ артельного маслодѣлія, для которыхъ она можетъ быть единственной по вопросамъ внутренняго строенія и организациіи артелей.

А. Витговъ.

III.

*Судовые двигатели внутреннего сгорания. Инж.-Мех. флота Мичарукъ.
Изд. Рижскъ 1913 г. ч. 2 р. 50 к. СИБ.*

Книга, раздѣленная на шесть частей, въ пяти содержитъ описанія четырехъ и двухтактныхъ двигателей, работающих на разныхъ сортахъ горючаго и разными способами воспламененія электрическимъ или шаромъ, раскаленнымъ лампой. Часть V заключается исключительно въ описанія и разборъ двигателей Дизеля разныхъ типовъ.

Способъ изложенія и область, затронутая авторомъ, опредѣляютъ назначеніе книги въ качествѣ учебника для самостоятельныхъ машинистовъ флота и низшихъ техниковъ, чему способствуетъ и заключительная глава съ вопросами для повторенія курса. Изложеніе очень популярно и достаточно ясно, но мѣстами излишне растянуто и раскидано въ ущербъ ясности. Этими качествами особенно отличается IV часть—практическія указанія объ уходѣ за двигателями, управленіи ими, содержаніи въ исправности и регулировкѣ. Послѣднему очень наглядно служатъ схемы. Пѣсколько высокая цѣна для недостаточнаго читателя, многіе печаткіе, мелкіе и небрежно исполненные чертежи и снимки прейскурантнаго типа налицо въ данномъ случаѣ. Въ текствѣ замѣчены досадныя недоговоренности и неясности, такъ на стр. 149, говоря объ опаздываніи открытія клапана для впуска горючаго, указывается на попаданіе пламени въ карбураторъ и нѣтъ о преждевременной искрѣ и обратномъ толчкѣ, особенно въ двигателяхъ съ небольшимъ числомъ оборотовъ. Стр. 73. При работѣ бензинового двигателя на керосинѣ мощность уменьшается, но не указаны главныя причины, какъ: разница давленій и осажденій паровъ керосина на стѣнкахъ.

Противорѣчія въ т. V и VII—въ V говорится, что двигатели съ регулированіемъ количества смѣси горючей расходуютъ болѣе топлива, чѣмъ съ регулированіемъ пропусками и даются цифры. Въ гл. VII указывается обратное, это же въ § 25 упоминается, какъ желательное. Нѣтъ указаній на температуру выходящей охлаждающей воды, необходимую и достаточную для экономичной работы двигателей (не Дизеля).

При расчетѣ индик. работы не показано различія формулъ для двухъ и четырехъ тактныхъ двигателей.

Главное отличіе Дизеля отъ другихъ двигателей не точно и туманно; эти отличія указаны лишь на стр. 219, хотя имъ необходимо первое мѣсто съ добавленіемъ о совершенствѣ продувки цѣл. Дизеля, чѣмъ особенно страдаютъ другіе описанные двигатели. Удѣливъ столько мѣста Дизелю, было бы споспешенно дать понятіе о сильномъ конкурентѣ Дизеля двигателѣ „Сабатъ“.

Наглядныя таблицы сравненія преимуществъ и недостатковъ двигателей тепловыхъ съ паровыми машинами и между собой и схемы регулированія двигателей.

Вслѣдствіе все болѣе расширяющейся потребности въ техникахъ, знакомыхъ съ устройствомъ двигателей и уходомъ за ними, а также недостаточнаго для нашего края числа лицъ этой отрасли,—появленіе разбираемаго руководства можно только приветствовать съ увѣренностью, что знакомство съ книгой принесетъ несомнѣнную пользу заинтересованному только съ практической стороны даннымъ вопросамъ.

Изъ торгово-промышленной жизни.

Къ развитію эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ. Лѣсное вѣдомство въ будущемъ году проецируетъ дальнѣйшее развитіе операцій по веденію хозяйственныхъ заготовокъ лѣса. Предполагается заготовить лѣсныхъ матеріаловъ строевого и подѣлочнаго лѣса 121.262 куб. саж., дровъ—114.744 куб. саж. и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ 16.856 куб. саж.; въ 1914 г. назначено было къ заготовкѣ строевого и подѣлочнаго лѣса 116.319 куб. саж., дровъ—89.497 куб. саж. и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ—15.162 куб. саж. Независимо отъ указанныхъ заготовокъ, въ связи съ обстоятельствами военного времени, оказалось возможнымъ организовать новыя хозяйственныя операціи по заготовкѣ дровъ въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой и Петроградской для гор. Петрограда, въ видахъ обезпеченія его топливомъ въ текущую зиму, въ размѣрѣ до 200.000 погонныхъ сажени, сверхъ обычно поставляемыхъ лѣснымъ вѣдомствомъ для столичныхъ учреждений 125 тыс. саж. Кроме того, какъ уже сообщалось, нынѣ приступлено къ организаціи въ теченіе предстоящаго пятилѣтія съ 1915 года хозяйственныхъ заготовокъ въ цѣляхъ удовлетворенія нуждъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ потребныхъ имъ лѣсныхъ матеріалахъ.

Увеличеніе въ будущемъ году обычныхъ заготовокъ противъ текущего года намѣчается въ слѣдующихъ размѣрахъ. Предполагается въ губерніяхъ Европейской Россіи заготовить болѣе строевого и подѣлочнаго лѣса на 13.354 куб. саж., дровъ—на 20.417 куб. саж. и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ на 1.694 куб. саж. Главное увеличеніе заготовокъ какъ по количеству, такъ и по суммѣ расходовъ относится на Пермскую губернію; нѣкоторое увеличеніе заготовокъ падаетъ также на губерніи Новгородскую, Олонецкую и Казанскую. Измѣненіе положенія заготовокъ въ Азіатской Россіи состоитъ въ томъ, что количество лѣсныхъ матеріаловъ, подлежащихъ въ заготовкѣ въ будущемъ году, увеличивается для строевого и подѣлочнаго лѣса на 1.200 куб. саж. и для дровъ—на 7.880 куб. саж. Хозяйственныя операціи въ Азіатской Россіи предполагается въ будущемъ году вести въ тѣхъ же губерніяхъ и областяхъ, что и въ настоящемъ году, за исключеніемъ Ынисейской и Иркутской губерній, въ которыхъ организаціи заготовокъ находится въ связи съ осуществленіемъ вообще поставокъ лѣсныхъ матеріаловъ для нуждъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Томской губ., съ развитіемъ поставокъ на Кулундинскую, Омскую и Сибирскую желѣзныя дороги, является необходимость въ увеличеніи расходовъ и на попутную заготовку строевыхъ матеріаловъ и дровъ отъ желѣзнодорожной заготовки, такъ какъ эти матеріалы находятъ весьма хорошій сбытъ на казенныхъ же складахъ въ Томскѣ, Повониколаевскѣ и другихъ при стационныхъ мѣстностяхъ въ степной части губерніи.

Нужды лѣсопромышленниковъ и войны. Въ Петроградѣ подъ предсѣдательствомъ тов. мнн. земледѣлія и землеустройства, А. Риттиха, состоялось между вѣдомственнымъ совѣщаніе, на которомъ разсматривались ходатайства лѣсопромышленниковъ объ оказаніи имъ помощи, такъ какъ влѣдствіе прекращенія экспорта, они оказались въ весьма тяжеломъ положеніи. Совѣщаніе постановило сѣвернымъ лѣсопромышленникамъ отсрочить платежи: $\frac{1}{3}$ часть до конца текущего, а остальныя $\frac{2}{3}$ до августа 1915 г., лѣсопромышленникамъ прибалтійскихъ и за-

падняхъ районныхъ рѣшено отсрочить до конца года только половину платежей, а остальная половина отсрочена также до августа 1915 г.

Представители промышленниковъ возбудили ходатайство о выдачѣ имъ ссуды подъ дѣшевые товары. Представитель государственнаго банка сообщилъ, что банкомъ сдѣлано уже распоряженіе провинціальнымъ отдѣленіямъ о расширеніи кредита подъ дѣшвыя матеріалы.

Кооперация и война. При московскомъ комитетѣ о сельскихъ кооперативахъ состоялось па-дняхъ совѣщаніе представителей крупнѣйшихъ кооперативовъ Европейской Россіи. На это совѣщаніе отъ Петроградскаго комитета былъ делегатомъ Н. В. Чайковскій, который въ общемъ собраніи 5-го сентября и сообщилъ о результатахъ совѣщанія.

Совѣщаніе продолжалось два дня. На немъ присутствовало болѣе 40 представителей.

Всѣ доклады сосредоточивались на двухъ вопросахъ: какъ отразилась война на кооперации и что предприняла кооперация въ это исключительное время.

Какъ и слѣдовало ожидать, во всѣхъ кооперативахъ произошла заминка въ дѣлахъ, которая для многихъ изъ нихъ благополучно разрешилась разлѣ только съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Теперь же, въ цѣлкахъ поддержанія своего существованія, кооперативами постоянно проводятся мѣры къ объединенію. Изъ Москвы командирована была въ Петроградъ особая депутація, которая нашла сочувственный пріемъ въ главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія. Предполагавшіеся къ исключенію кредитъ въ 135 милл. руб. для кредитныхъ кооперативовъ сохранили Московскій народный банкъ, дѣятельность котораго совсѣмъ было замерла съ объявленіемъ войны; банкъ получилъ ссуду въ 500 тыс. р. и теперь производитъ свои операціи, какъ и при нормальныхъ условіяхъ. Московскій союзъ усиленно ведетъ поставки на армію разныхъ предметовъ. Наибольшаго усилѣна въ поставкахъ на армію достигла кievская организація.

Чрезвычайно важно отмѣтить эффектъ, произведенный выступленіемъ кievской объединенной кооперации. Частные торговцы пожелали сорвать съ казны высокія цѣны на хлѣба, но кооперативы назначили меньшія цѣны, и расчеты торговцевъ не оправдались.

Вологодскій союзъ добился пониженія желѣзнодорожныхъ тарифныхъ ставокъ на грубые корма на 15—20 проц., на дорогіе—30—40 проц., что для края, гдѣ не родилось трава, имѣетъ большое значеніе. Въ Сибири уже закуплено сѣно по 35—40 к. за пудъ.

Съ поставкой мяса вышло недоразумѣніе. Вологодскій союзъ предложилъ до 130,000 головъ. Главное управленіе объявило, что 10 проц. этого количества должно быть убито на мѣстѣ, остальное доставлено живьемъ. Подходящѣ былъ и всѣ туши въ 4½—5 п. Уполномоченный главнаго управленія г. Лининъ прибылъ на мѣсто только 24-го августа и объявилъ совершенно новыя условія: скотъ долженъ быть убитъ на мѣстѣ, не менѣе 200 гол. въ день; всѣ туши не менѣе 7 п. Произвести такую операцію на мѣстѣ невозможно и грозить она потерей кожи, роговъ, конячь, не имѣющихъ теперь сбыта, а главное—крупнаго скота, составляющаго для маслодѣловъ единственный источникъ существованія ихъ промысла. Союзъ вынужденъ былъ отказаться отъ сдѣлки, въ которую вступили лишь отдѣльная артели, боясь гибели скота отъ безкормицы.

На засѣданіи московскаго комитета была принята слѣдующая резолюція.

„Заслушавъ сообщенія съ мѣстъ объ усиленіяхъ кооперативовъ ослабить хозяйственныя затрудненія, вызванныя войной, а въ иныхъ мѣстностяхъ еще и неурожаемъ, комитетъ отмѣчаетъ, что во многихъ случаяхъ работа кооперативовъ оказалась успѣшной и плодотворной; усиліями ихъ удалось во многихъ случаяхъ успокоить населеніе, взволнованное опасеніемъ хозяйственной разрухи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось предотвратить сильное паденіе цѣнъ на продукты мѣстнаго хозяйства, въ рядѣ мѣстностей принимаются цѣлесообразныя мѣры для снабженія мѣстнаго населенія кормами при посредствѣ кооперативовъ и другія.

Такимъ образомъ, комитетъ долженъ отмѣтить, что кооперативы повысили способность населенія противостоять вредному вліянію хозяйственныхъ затрудненій, вызванныхъ войной и неурожаемъ, и въ трудныхъ обстоятельствахъ переживаемыхъ нашей страной, обнаружили то культурное значеніе, какое они должны и могутъ имѣть въ нашей общественной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что эта роль коопераціи встрѣчаетъ серьезныя препятствія для болѣе полного своего осуществленія въ отсутствіи необходимаго объединенія.

Сѣверный союз кооперативовъ. Въ цѣляхъ болѣе полного объединенія кооперативовъ области, Вологодское общество сел. хозяйства нашло необходимымъ организовать самостоятельный, построенный на чисто кооперативныхъ началахъ, союзъ кооперативовъ Сѣвернаго края; по своему составу союзъ долженъ быть разнороднымъ, и его членами могутъ быть, безъ различія видовъ, родовъ и названій всѣ кооперативныя организаціи, расположенныя въ районѣ дѣятельности союза; по своимъ задачамъ, союзъ долженъ быть полнымъ, т. е. развивать какъ торговую, такъ и не торговую дѣятельность. Ближайшими цѣлями союза являются: а) снабженіе кооперативовъ предметами личнаго производства; б) организація сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ; в) организація общеккооперативнаго и техническаго инструктивнаго кооперативовъ. Райономъ дѣятельности союза должна явиться Вологодская и сошедшія съ нею губерніи.

Вывозъ пушныхъ товаровъ. Главное управленіе земледѣлія и землеустройства предложило русско-англійской торговой палатѣ взять на себя организацію вывоза пушного товара изъ Сибири въ Англію. До сихъ поръ пушной сибирскій товаръ вывозился въ Германію и отсюда въ обработанномъ видѣ расхололся по другимъ странамъ Европы. Русско-англійская торговая палата намѣрена воспользоваться предложеніемъ главнаго управленія и организовать вывозъ пушного товара въ Англію въ широкихъ размѣрахъ.

Разныя вѣсти.

Курортъ на берегу Вѣлаго моря. 9 декабря состоялось собраніе общества архангельскихъ врачей, имѣвшее цѣлью выясненіе и разработ-

ку вопроса—нельзя ли устроить въ одномъ изъ мѣстъ Вѣлаго моря курортъ, особенно въ Сюзьмѣ, Сюземской вол., Архангельскаго у. Вопросъ о подобномъ курортѣ поднимался еще въ 1856 г. докторомъ Каломѣйцевымъ. Еще въ 1910 году на одномъ изъ собраній общества архангельскихъ врачей было рѣшено обратить вниманіе распорядительнаго комитета приказа общественнаго призрѣнія устроить тамъ курортъ, но изъ этого никакихъ практическихъ жизненныхъ послѣдствій Сѣверъ не увидѣлъ.

Докторъ Романовъ на собраніи говорилъ, что мѣсто для предполагаемаго курорта еще не обследовано, что составъ воды, т. е. морское масло, не подвергнуто точному анализу, а потому требованіе о-ва врачей объ устройствѣ курорта для сѣзда едва ли представляется цѣннымъ.

Но большинство говорило, что, наоборотъ, изысканія объ устройствѣ сѣвернаго курорта именно въ Сюзьмѣ имѣютъ несомнѣнную цѣнность. А потому собраніе единогласно постановило обратить вниманіе сѣзда въ Петроградѣ на устройство курорта и просить сѣзда устроить этотъ курортъ. Основаніями для просьбы являются слѣдующія данныя: 1) красота нѣкоторыхъ мѣстъ береговъ Вѣлаго моря, 2) климатическія условія, 3) удобство для устройства холодныхъ ваннъ; затѣмъ, для сообщенія съ курортомъ начальникомъ губерніи обѣщано устроить автомобильное движеніе; почтово-телеграфное вѣдомство, со своей стороны, обѣщаетъ провести къ мѣсту курорта телеграфъ и телефонъ, и наконецъ, Мурманское пароходство постановку правильныхъ рейсовъ и соответствующее начальство—углубленіе фарватера. Кромѣ всего этого, какъ на доказательство необходимости курорта, на собраніи было указано на слѣдующее обстоятельство: г. Штумбергъ устраниваетъ уже тамъ курортъ на 4 кровати. II. въ заключеніе, основной аргументъ убѣдительности просьбы общества—это находженіе въ составѣ воды іода и сѣры. А потому, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, собраніе единогласно постановило: обратиться къ сѣзду съ просьбой устроить лѣтній курортъ хотя съ низкой температурой ваннъ.

Собраніе это было вызвано приближеніемъ сѣзда въ Петроградѣ по улучшенію отечественныхъ лечебныхъ мѣстностей.

Промыселъ жемчуга въ Архангельскомъ уѣздѣ. Недавно въ Архангельскъ пріѣхалъ съ партіей жемчуга, добытаго лѣтомъ текущаго года на р. Казанкѣ, близъ с. Солзы, Архангельскаго уѣзда, самоѣдъ Ледковъ. Имъ привезено въ Архангельскъ около 100 жемчужникъ разныхъ размѣровъ и разной стоимости. Удачный промыселъ жемчуга въ минувшемъ году слѣдуетъ объяснить жаркимъ лѣтомъ и обмелѣніемъ небольшихъ рѣчекъ, въ которыхъ обыкновенно водятся раковины жемчуга. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что это чуть ли не первый случай, когда жемчугъ оказался добытымъ въ рѣчкахъ Архангельскаго уѣзда. Обычно жемчугъ добывался по р. Керети, Кемскаго уѣзда, и частью по р. Онегѣ.